

eISSN 2311-2468
Том 12, № 5. 2024
Vol.12, no. 5. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БЕЛОВА Н. А., НЕКАЕВА В. Н.

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ЗНАЧЕНИИ СОБСТВЕННЫХ В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 1917–1921 ГОДОВ**

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования особенностей употребления нарицательных существительных в значении имен собственных в лирике М. И. Цветаевой 1917–1921 годов. Внимание авторов сосредоточено на выявлении круга объектов, которые обозначаются в текстах поэтессы нарицательными существительными в значении собственных, выделении их семантических групп, определении стилистических функций, выполняемых данными языковыми единицами в поэтических текстах.

Ключевые слова: нарицательные существительные, имена собственные, онимизация, стилистические функции, поэтический текст, идиостиль.

BELOVA N. A., NEKAEVA V. N.

**FEATURES OF USING COMMON NOUNS IN THE MEANING OF PROPER NOUNS
IN THE POETRY OF M. I. TSVETAIEVA OF 1917-1921**

Abstract. The article presents the main results of a study of the peculiarities of the use of common nouns in the meaning of proper names in the poetry of M. I. Tsvetaeva of 1917–1921. The authors' attention is focused on identifying the range of objects that are referred in the poetic texts by common nouns in the meaning of proper nouns, identifying their semantic groups, and determining the stylistic functions performed by these linguistic units in poetic texts.

Keywords: common nouns, proper names, onymization, stylistic functions, poetic text, idiostyle.

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью роли нарицательных имён в значении собственных в художественном тексте, в частности в поэтических произведениях М. И. Цветаевой. Выявление специфики употребления и стилистических функций данных языковых единиц в лирике поэтессы позволяет, на наш взгляд, более глубоко представить в целом особенности её идиостиля, философско-художественное осмысление поэтессой окружающего мира.

Под именем собственным (онимом) Н. В. Подольская понимает «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализацию и идентификацию...» [5, с. 91], т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или

имело) данное слово, словосочетание или предложение. Онимизация определяется ей как «переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов» [5, там же]. Научному описанию закономерностей перехода нарицательных имён существительных в собственные посвящены работы Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой [6] и других ученых, которые указывают, что имя нарицательное тогда становится собственным, когда обозначает единичный предмет или явление. В. П. Нерознак и Р. З. Ханичев в статье, отражающей результаты изучения онимизации, отмечают, что в лексическом фонде языка принято выделять два основных лексических страта – имена нарицательные (апеллятивы) и имена собственные (онимы).

Переход имен собственных в имена нарицательные называется деонимизацией, которая является обратным процессом от другой разновидности взаимодействия имени собственного и имени нарицательного в лексической системе языка – онимизации, т. е. перехода имени нарицательного в имя собственное [4]. А. В. Суперанская выделяет следующие особенности собственных имён, которые отличают данные существительные от нарицательных слов: 1) название индивидуального объекта, а не обозначение класса предметов; 2) отсутствие четкой однозначной коннотации и связи с понятием [8]. Исследованию имен нарицательных, образованных от имен собственных, посвящена работа А. В. Солнцевой, которая отмечает, что «имена собственные могут переходить в разряд нарицательных, не подвергаясь каким-либо изменениям, либо подвергаясь аффиксации, а также аббревиации» [7, с. 175]. Е. А. Москаленко в статье «Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного» рассматривает лингвистические особенности имён собственных и нарицательных, их общие и дифференциальные признаки: 1) нарицательное имя указывает на класс, к которому относится объект, имеет основную и добавочные коннотации, «именуемый нарицательным именем объект (за исключением объекта, участвующего в данной конкретной речевой ситуации) неопределён и неограничен», имеет общее значение, может обозначать абстрактное явление; 2) имя собственное обозначает индивидуальный предмет, «объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен» [3, с. 186].

Исследованием нарицательных слов в значении имени собственного в контексте художественного произведения занимались А. А. Чернобров [10], Э. Б. Магазаник [2] и др., однако основное внимание ученые уделяли функционированию имен нарицательных в составе фамилий персонажей.

Целью нашего исследования, основные результаты которого отражены в данной статье, является выявление особенностей употребления и стилистических функций нарицательных имён существительных в значении собственных в лирике М. И. Цветаевой 1917–1921 годов.

В процессе работы мы опирались на подход Д. И. Ермоловича, который в семантике имени собственного определяет следующие компоненты [1]:

1) бытийный – имя собственное раскрывает «существование и предметность обозначаемого: этот компонент значения представляет собой как бы свернутое сообщение: «Существует такой предмет»;

2) классифицирующий – отражает то, что обозначаемый предмет принадлежит определённому классу (например, слово «Полина» указывает на то, что называемый объект относится к классу «человек женского рода»), то есть реализуется следующее свернутое сообщение: Этот предмет – человек женского рода;

3) индивидуализирующий – референт имени, то есть имя собственное указывает на то, что имя обозначает конкретный объект, который зовут определённым образом, соединение всех трех компонентов преподносит следующую информацию: «Есть такой человек, который зовется Полиной»;

4) характеризующий – признаки референта, «достаточные для понимания собеседниками, о чем или о ком идет речь, данный компонент значения, к примеру имя собственное Пушкин, представляет собой как бы свернутое сообщение: «это величайший русский поэт и писатель, основоположник новой русской литературы, создатель русского литературного языка»; наиболее явно характеризующий семантический компонент проявляется у «говорящих» фамилий в художественных произведениях или прозвищах, данных человеку, так как они, как правило, отражают определенные особенности обозначаемого предмета (например, Скотинин – «Недоросль» Д. И. Фонвизин) [1, с. 12]. Ученый отмечает, что первые два компонента – бытийный и классифицирующий – наблюдаются и у имен нарицательных. В свою очередь, индивидуализирующий компонент характерен только для имени собственного.

Семантика имени собственного выделяется на языковом и речевом уровнях. На языковом уровне имя собственное обладает такими компонентами (которые могут быть выделены без учета контекста), как бытийный, классифицирующий, индивидуализирующий и характеризующий (последний компонент не всегда находит проявление), то есть имя собственное обозначает конкретный индивидуальный предмет и указывает на то, что он относится к определённому

классу, а также объединяет в себе представления об определенном лице. На речевом уровне значение имени собственного проявляется в рамках контекста.

В лирике М. И. Цветаевой 1917–1921 годов [9] методом сплошной выборки нами было выявлено 127 примеров использования нарицательных слов в значении имен собственных, при этом некоторые из них служат для обозначения конкретного одушевленного лица, а другие являются средством одушевления абстрактных понятий.

Имена нарицательные в значении собственных используются для **обозначения конкретного одушевленного лица** (Бог, Мирская Жена, Птица-Феникс, Собеседница и Наследница, Мать, Царь Давид, Воин, Голос, «перед Тобой», Муж, Самозванец, Лжемарина, Всадник, Гад, Голубица, Царь, Крылатый, Монархиня-мать, Царь Саул, Вождь, Змий, Земля, Дьяволица, богиня Верности, Иверская Мати) – всего выявлено 59 случаев. Устойчивой повторяемостью как имена нарицательные в значении собственных обладают лексемы *мать, царь, воин, змей, гад*. Среди этих лексических единиц особо стоит подчеркнуть слова, **обозначающие библейских героев**, отсылающие нас к религии: Птица-Феникс, Царь Давид, Мать, Царь Саул, Змий, Иверская Мати, Триединый, Отец, Ангел – всего 24 лексемы. Ряд имён нарицательных в значении собственных, в отличие от вышеупомянутых, называют личностей религиозного цикла **метафорически**: Мирская Жена – Богородица, Воин, Муж, Всадник, Гад-змей, Голубица, Крылатый – конь Георгия, Дьяволица. Это объясняется стремлением поэтессы придать образам максимальную экспрессивность и включить их в метакультурный фон, соединяющий миф и современность. Прибегает М. И. Цветаева и к использованию перефразы в лексеме «богиня Верности». Также выделяется лексема, обозначающая явление природы, но в контексте стихотворения М. И. Цветаевой становящаяся именем лирической героини – Буря, что позволяет нам отнести ее к данной группе: Буря – лирическая героиня становится «литературной маской» и самого автора. Отдельно стоит остановиться на лексеме Лжемарина – это неологизм, созданный Цветаевой на словообразовательной базе слова «Лжедмитрий» с помощью префикса *лже-*. Использование этого слова как имени собственного в контексте лексемы *Лжедмитрий* становится прекрасной воздействующей деталью, создаваемой за счёт словотворчества автора, эксперимента поэта со словообразованием.

Имена нарицательные в значении собственных могут использоваться для обозначения **абстрактного явления** (Смерть, Промысел, Мир, Лира, Красота, Душа, Зависть, Ревность, Нежность, Жалость, Бессонница, Любовь, Победа, Побег, Возмездье, Муза) – всего 43 лексемы. Наиболее частотными оказались следующие лексемы: *мир* (использующаяся в контексте четырех

стихотворений), *лира* и *победа* (повторяющиеся в трёх стихотворениях) и словоформа *нежность* (встречающаяся в двух произведениях). М. И. Цветаева использует **существительные отвлеченные**, которые можно разделить на несколько **семантических групп**. Можно выделить абстрактные существительные, называющие чувства (Зависть, Ревность, Нежность, Жалость, Любовь), абстрактные признаки (Красота), опредмеченные действия (Побег, Возмездье), состояния (Смерть, Бессонница), нечто умозрительное, духовное, которое существует лишь в сознании человека (Лира, Душа, Муза, Мир).

Также имена нарицательные в значении собственных могут использоваться для обозначения **конкретных явлений действительности, предметов материального мира** (Перст, Книга Царств, Верста, Земля, Раса, Гнездо и Дом, Лик, Столица, Сон, Слово, Шатер, Царство, Осьмнадцатый век, Война, Двадцатый Год, Двадцатый Век, Ассамблея). Данная группа является одной из самых малочисленных (18 случаев), в чем сказывается тяготение автора к использованию абстрактных понятий или слов-символов, поддающихся активной метафоризации. Даже слова, обозначающие конкретные явления действительности, выполняя в стихотворении М. И. Цветаевой экспрессивную, выразительную или воздействующую функции, приобретают те или иные метафорические оттенки.

Имена нарицательные в значении собственных используются для **обозначения явлений природы** (Буря, солнце Вечера, Восход, Закат, Богородица-Метель, Орден Льва и Солнца, Лебединый стан). Всего отмечаем 7 случаев. Явления природы помогают Марине Ивановне создать произведение, в котором присутствуют две реальности, причем мир мыслей и чувств, созданный поэтом, оказывается главенствующим, а явь отодвигается на второй план, становится доступной для познания только через призму метафор творца.

Со стилистической точки зрения имена нарицательные в значении собственных в текстах лирических произведений М. И. Цветаевой 1917–1921 годов выполняют **характерологическую функцию** (фиксируем 55 случаев): *«Всё великолепье // Труб – лишь только лепет // Трав – перед Тобой»*, *«Трем Самозванцам жена, // Мнишка надменного дочь»*, *«Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!»*, *«Мне некий Воин молодой // Крыло подстелет»*, *«Между рубахой и грудью – Ты сердце Матери везешь»*. Примечательно относительно этой функции имени нарицательного в значении собственного *Всадник* в первом стихотворении из цикла «Георгий» («Ресницы, ресницы...») то, что имя *Георгий* в данном стихотворении не упоминается, он не именуется даже Святым, а воспринимается именно как Воин с трагической судьбой, вынужденный совершать кровопролитие, противное его душе, но неизбежное из соображений

служения чистоте: *«Победоносец, победы не вынесший»*. На протяжении всего стихотворения Цветаева раскрывает имя *Георгий*, вынесенное в заглавие, с помощью ассоциаций, которые возникают при вольной интерпретации сказания. Помогает ей именно имя нарицательное в значении собственного *Воин*, подчёркивающие социальное положение лирического героя и создающее традиционные для Цветаевой отсылки к трагической судьбе героя с глубоким внутренним миром. Это позволяет соотнести образ Георгия с Сергеем Эфроном, которому Марина Ивановна посвятила цикл, ведь для нее муж был, подобно Георгию, воплощением святости, вынужденным отправиться на Гражданскую войну и претерпевать все тяготы революционного времени для защиты своих идеалов.

Имена нарицательные в значении собственных могут выполнять **экспрессивно-выразительную функцию** (отмечаем 25 случаев). Многие лексические единицы, используемые Цветаевой, проецируют именно эту функцию, так или иначе с ней связано большинство выделяемых автором слов. Экспрессивно-выразительная функция взаимосвязана с выразительной, они могут дополнять друг друга, вместе реализовываться в одной лексической единице. Однако на примере некоторых имён в характерном контексте наиболее ярко проявляется значение экспрессивно-выразительной функции для раскрытия авторского замысла, создания метафорического и ассоциативного ряда: *«Боролись Промысел и произвол // В ворочающей жернова груди»*, *«Руки, которые не нужны Милому, служат – Миру»*, *«Нас увенчала – Лира»*, *«Встань, // Триединство моей души: // Лилия – Лебедь – Лира!»*, *«В орлином грохоте – // О клюв! О кровь! – Ягненок крохотный // Повис – Любовь...»*, *«Смущается Всадник, Гордится конь. Смущается Всадник, Снисходит конь»*.

«Работа» экспрессивно-выразительной функции имён нарицательных в значении собственных особенно заметна в характерном синтаксическом окружении лексем. К примеру, в стихотворении *«Закинув голову и опустив глаза»* слово *Промысел*, употребляемое как имя собственное для того, чтобы подчеркнуть религиозно-философское наполнение понятия, противопоставляется «произволу» – имени нарицательному. Игра в одном контексте с именами собственными и нарицательными позволяет Марине Ивановне, с одной стороны, возвысить одно понятие, сделать его величественным и призвать читателей относиться к нему с должным уважением и, с другой стороны, показать отрицательное отношение к другой лексеме, подчеркнуть ее семантическое ничтожество перед силой «Промысла». На фоне величия одного понятия негативный характер другого становится особенно явственным. Ситуация противоречия между «Промыслом и произволом», созданная Цветаевой на уровне синтаксиса, создаёт

ощущение поединка между понятиями, их борьба – не просто условный факт, упомянутый поэтом, читатель начинает верить в нее. Действительно, «Промысел и произвол» – однородные члены предложения, их «контакт» подчеркивается с помощью соединительного союза «и». Однако это позволяет Цветаевой ещё ярче подчеркнуть их борьбу, ведь, несмотря на формально-грамматическую близость, данные понятия резко противопоставлены. И именно игра с именами собственными и нарицательными позволяет это подчеркнуть. Экспрессивно-выразительная функция имени нарицательного в значении собственного проявляется и в том, что понятие *Промысел* является ключевым в контексте философско-религиозных рассуждений о божественном суде над непокорной душой лирической героини: «*Боролись Промысел и произвол // В ворочающей жернова груди*». Душа лирической героини достойна благословения всевышнего, несмотря на ошибки и своеволие, потому что она не знала покоя в поисках истины. Обратим внимание на то, что слово *произвол* не выделено Мариной Ивановной, посредством чего она подчеркивает – лирическая героиня достойна спасения, так как она всегда была на стороне провидения.

Имена нарицательные в значении собственных могут выполнять **воздействующую функцию** (42 случая): «*Без разбору я кошу, как Смерть косою*», «*Доблестным званьем Мирской Жены*», «*Там всё ему: и княжество, и рать, И хлеб, и Мать*», «*Высокий час, когда сложив оружие К ногам указанного нам – Перстом*», «*О этот час на подвиг нас – как Голос Вздыхающий из своеволия дней!*», «*Солнце Вечера – добрее // Солнца в полдень. // Солнце Вечера – дороже // Песнопевцу!*», «*О тяжесть удачи! Обида Победы!*», «*Конь брезгует Гадом, // Ты брезгуешь гласом // Победным*», «*Во имя расправы // Крепись, мой Крылатый!*», «*Тогда по крутому // Эвксинскому берегу // Был топот Побега, // А будет – Победы*», «*Крепитесь! Кромешное дрогнет созвездье. // Не с моря, а с неба // Ударит Возмездье*», «*Блаженны дочерей твоих, Земля, // Бросавшие для боя и для бега*». Выделение данных лексем позволяет создать определенную эмоциональную картину, не только обратить внимание читателей на важный идейный контекст произведения, но и подчеркнуть его особенную атмосферу. С одной стороны, данные лексемы возвращают нас к главной мысли стихотворения, заостряют внимание на важных для автора идеях. С другой стороны, они отсылают нас к определенным символам, метаобразам, которые необходимы для создания в произведении «бытия», читатель теперь не только воспринимает идею произведения, он начинает жить в нем.

Воздействующая функция особенно важна для лирики Цветаевой, так как ее стихотворения рождаются на стыке реальности и чувственного восприятия писателем этой

действительности: в ее стихотворениях трудно найти портреты «жизни века», во всех картинах большее значение играют фантазия, мечта. Обратимся к более детальному рассмотрению нескольких примеров реализации воздействующей функции. В отрывке из стихотворения «Целовалась с нищим, с вором, с горбачом» имя нарицательное в значении собственного выполняет воздействующую функцию: *«Без разбору я кошу, как Смерть косой»*. Марина Ивановна сравнивает свою любовь со смертью, которая никого не щадит. Причем имя нарицательное в значении имени собственного приобретает в данной коннотации оттенок одушевленности. Смерть воспринимается Цветаевой как страстная, но мимолётная любовь: она величественна в отличие от греха, взятого на душу человеком-палачом, решившимся самовольно судить человеческую жизнь. Лексема используется в сравнении с использованием союза *как*, создавая ассоциацию *я – смерть*.

В стихотворении «О первое солнце над первым лбом!» имена нарицательные в значении собственных также выполняют воздействующую функцию: *«Врожденная рана высоких душ, О Зависть моя! О Ревность!»*. Данные языковые единицы используются в структуре риторических восклицаний, что позволяет автору подчеркнуть силу чувств, которые охватывают лирическую героиню. В данном контексте риторические восклицания и парцелляция показывают, что лирическая героиня сталкивается с крайним пределом накала чувств, которым негде найти исход. Зависть и ревность не одушевляются Мариной Ивановной в данном стихотворении, однако эти абстрактные понятия позволяют ёмко и эмоционально отразить внутренний конфликт лирической героини.

Имена нарицательные в значении собственных в рассмотренных нами текстах выполняют и **информативную функцию** (5 случаев). В редких случаях имя нарицательное в значении собственного не является средством характеристики, выразительности и воздействия, а служит для наименования конкретного объекта: *«В воротах, как Благая Весть»*, *«И взойдет в Столицу – Белый полк»*, *«В вывернутой наизнанку // Мантии Врагов Народа»*, *«Родоначальник – ты – Советов, // Ревнитель Ассамблей»*, *«Головою покоюсь // На Книге Царств»*. Лексема *Книга Царств* в стихотворении «А во лбу моем – знай!» выполняет информативную функцию. Она имеет философско-религиозную коннотацию. Поэт подчеркивает, что в его душе сконцентрировались все тайны мироздания, сердце его соединяет в себе рай и ад, которые не подчиняются законам цивилизации, они откликаются лишь ветрам и волкам. Истинная религия лирической героини Марины Ивановны – свобода, открывающая ей познание бытия, Книгу

Царств, которую она не изучает трепетно и восхищённо, а умиротворённо покоится на ней, так как воля является ее естественной стихией.

Таким образом, мы можем говорить о том, что нарицательные слова в значении имен собственных в художественном тексте играют большую роль: передают идею произведения, характеризуют лирических героев, воздействуют на читателя. Поэтому перспективным представляется дальнейшее исследование имен нарицательных в значении собственных в художественных текстах поэтессы других периодов творчества, в том числе и прозаических, что позволит более глубоко понять особенности идиостиля М. И. Цветаевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. – 2001. – № 4. – С. 82–85.
2. Магазаник Э. Б. Ономапoeтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
3. Москаленко Е. А. Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11–2. – С. 184–187.
4. Нерознак В. П. Ханичев Р. З. Аппеллонимика: между именем собственным и именем нарицательным // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого (16–17 апреля 2001). «Евразия на перекрестке языков и культур». – Москва, 2002. – С. 180–182.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
6. Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
7. Солнцева А. В. Имена нарицательные, образованные от имен собственных, и способы их перевода // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты. Сборник научных материалов по итогам международной научно-практической конференции (Антибы, 2017). – Орехово-Зуево, 2017. – С. 174–176.
8. Суперанская А. В. Словарь русских имен. – М.: Эскмо, 2005. – 554 с.

9. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990. – 822 с.
10. Чернобров А. А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): учеб. пособие. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. – 332 с.

ДВОРЯНИНА А. Г.

ОБРАЗ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО

Аннотация. Статья посвящена изучению образа усадьбы в лирике А. К. Толстого. В ходе исследования выявляются способы и приёмы создания образа усадьбы, анализируется их идейно-художественная роль, выявляются черты, воссоздающие различные грани образа «дворянского гнезда» и его составляющих, преимущественно в традиционных формах, характерных для поэзии с усадебными мотивами. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об особой роли бытового и бытийного в изображении усадебного мира, уходящего в прошлое.

Ключевые слова: поэзия, А. К. Толстой, русская литература XIX века, дворянская культура, мотив усадьбы, дворянское гнездо.

DVORYANINA A. G.

THE IMAGE OF RUSSIAN MANOR IN THE POETRY OF A. K. TOLSTOY

Abstract. The article is devoted to the study of the image of manor in the lyrics of A. K. Tolstoy. The study reveals the ways and techniques of creating the image of the Russian manor. The ideological and artistic role of the techniques is analyzed. The features that recreate different facets of the image of the manor estate and its components, mainly in traditional forms typical for poetry with manor motifs, are identified. The analysis makes it possible to draw a conclusion about the special role of the mundane in the portrayal of the manor world going back in time.

Keywords: poetry, A. K. Tolstoy, Russian literature of the XIX century, gentry culture, estate motif, manor estate.

В эпоху XVIII-XIX веков русская культура изменялась под влиянием дворянской усадьбы как культурного комплекса. Незаурядный мирок, подвластный воле помещика, был замкнут в себе и выражал тенденции новой дворянской культуры. Этот комплекс становился уникальным местом, в котором представлялись не только архитектурные и парковые работы, но и театральное, музыкальное и живописное искусство. Одной из главных отличительных черт усадебного комплекса была его гармония, слившаяся с прекрасным ландшафтом русской природы. Благодаря коллекциям живописи, скульптурам, библиотекам и другим элементам усадьбы становились осязаемыми символами просвещенности. А когда театральное и музыкальное искусство начали сочетаться с архитектурой и садово-парковыми работами, усадьбы стали настоящими центрами культуры. В них возникали яркие идеи, выходившие за рамки классических традиций, в живых образах воплощалась современность. Все это делало усадьбы не только популярными, но и очень престижными местами, привлекавшими многих

талантливых людей. Каждая усадьба была уникальной, так как отражала в себе индивидуальность своего владельца и вносила свой вклад в развитие культуры и искусства России.

«Дворянское гнездо» всегда представляло собой центр культурной жизни, где обсуждались философские идеи, проводились литературные вечера и различные дискуссии. Место, оказавшее значительное влияние на развитие русской литературы XIX века, играло крайне важную роль в отражении идеологии, ценностей, идеалов и уровня развития личности дворянина. Неизменные атрибуты усадебной жизни формировали богатый мир образов и превращали аристократическую усадьбу в пространство, в котором можно было соприкоснуться с красотой и разнообразием природы, сохраняя историю, культуру и семейную память. Атмосфера усадьбы была наполнена изысканностью, роскошью и утонченностью. Усадьба всегда была местом, в котором царила аристократическая культура, ведь каждая деталь была продумана до мелочей. Библиотеки усадеб содержали богатые коллекции литературных произведений и научных трудов, которые отражали интересы и образованность хозяев поместья, а стены усадьбы были украшены коллекциями живописи и семейными портретами, которые не только радовали глаз ее обитателей, но и служили источником вдохновения для литераторов.

Усадьба как символ аристократического образа жизни и культурного наследия оказывала значительное влияние на личность ее обладателей: многие писатели находили в усадьбе свое вдохновение, создавая произведения, которые отражали жизнь и нравы дворянства. Описания усадебной жизни, ее обитателей, их обычаи, традиции и образы стали неотъемлемой частью русской литературы. Образ «семейного гнезда» неоднократно вдохновлял художников слова на создание прекрасных произведений, которые по праву вошли в сокровищницу русской литературы. Так, например, А. К. Толстой был «взращен» русской усадьбой, не прерывал с ней родственной связи, большое количество лет вёл помещичий образ жизни. Особое место в творчестве писателя занимал эстетизированный усадебный быт – вся атмосфера была пропитана уважением к красоте, тонкостям этики и высокому стилю жизни. Всё это закономерно привело к тому, что тема усадьбы занимает значительное место в содержании лирического наследия А. К. Толстого, претерпевая определённую эволюцию, наполняясь с годами новыми мотивами и образами.

В раннем творчестве А. К. Толстого эта тема соединяется с темой родины. Одно из первых юношеских стихотворений – «Ты знаешь край, где всё обильем дышит...» (1840) – не содержит описания усадьбы, но эмоционально-чувственная атмосфера и образная система произведения являются отражением детских впечатлений, полученных Толстым в украинском

имении Красный Рог. Стихотворение отличается ярким национальным колоритом, который создаётся с помощью насыщения текста приметами малороссийского быта:

*Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времён Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи
И вы, чубы – остатки славной Сечи?* [6, с. 25]

Таким образом, уже в ранней романтической лирике А. К. Толстого созданный им идеальный пейзаж, помимо традиционных и универсальных компонентов, включает приметы конкретного малороссийского края.

В финале стихотворения появляется мотив, отличающий стихотворение Толстого от предшествующих образцов. Он станет одним из ведущих в «усадебной» лирике поэта. Это мотив разрушения, упадка «родового гнезда». Примечательно, что он имеет ярко выраженный личный, «семейный» характер:

*Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льёт,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?* [6, с. 25]

В русской литературе середины XIX века тема упадка дворянской усадебной культурно-бытовой жизни становится одной из ведущих. В стихотворениях А. К. Толстого она разворачивается в нескольких постоянных мотивах: разрушения, забвения, сна, старости. Характерно в этом отношении стихотворение «Шумит на дворе непогода...» (1840):

*Шумит на дворе непогода,
А в доме давно уже спят;
К окошку, вздохнув, подхожу я –
Чуть виден чернеющий сад...* [6, с. 58].

Как и в стихотворении «Ты знаешь край...», изображение современной жизни неотделимо от исторической памяти поэта. Но в этом произведении ещё теснее связаны между собой мотивы старины, «доблестного рода», предков и мотивы смерти, запустения:

*Как скоро хозяин умрёт,
Наследник покинет поместье,
Где жил его доблестный род –
И дом навсегда запустеет,*

*Заглохнут ступени травой...
И думать об этом так грустно
Среди непогоды ночной! [6, с. 58]*

Основной мотив данного стихотворения – глубокая тоска и ностальгия по прошедшим временам. Толстой грустит по дворянской жизни. И передавая свои ощущения и чувства, в помощь себе автор берет дождь. Эта непогода во многом схожа с состоянием души героя, который стоит у окна и размышляет.

В зрелый период творчества появляются новые смысловые нюансы в воплощении усадебной темы в поэзии Толстого. Теперь – во многом в противовес яростным социально-политическим и философским баталиям, гремящим в столице, – усадьба является для автора местом, где обретается истина, «врачуется душа», осуществляется гармония между человеком и природой.

В неторопливости и тишине жизни в русской усадьбе поэт находит истинный смысл жизни. Программное звучание приобретает одно из созданий зрелого периода творчества Толстого – стихотворение «Теперь в глуши полей...» (1860). Это стихотворение отражает важность природы и уединения для человеческого духовного развития и нахождения смысла жизни. В нем присутствует образ уединенной русской усадьбы, где время течет медленно, и где поэт может наслаждаться тишиной и спокойствием. Покой и неспешный ритм усадебного бытия в нём обозначают не медленное угасание, разрушение и забвение, а образ жизни, воплощающий гармонию разума и сердца, деятельности и отдохновения:

*Теперь в глуши полей, поклонник мирных граций,
В деревне дедовской, под тению акаций,
От шума удалён, он любит в летний зной
Вкушать наедине прохладу и покой,
Степенных классиков всё боле любит чтение
И дружеских бесед умеренные пренья,
Прогулки к мельнице иль к полному гумну,
Бленье стадов, лесную тишину... [6, с. 126].*

Уходит из лирики Толстого один из самых болезненно переживаемых – мотив разорванности связей между поколениями. Герой данного стихотворения в полной мере наследник своих предков, его близость к ним совершенно естественна и потому истинно прочна. Погружение в такую жизнь – высшая правота, истинная сила духа, так считает поэт:

*Блажен, кто с оргии неистовой и шумной
Уходит в пору прочь, достойный и разумный,
Кто, мужеством врагов упорных победив,*

*Умеет торжества удерживать порыв,
Блажен, кто каждый час готов к судьбы ударам,
Кто в суете пустой не тратит силы даром,
Кто, верный до конца спокойному уму,
Идёт не торопясь к закату своему... [6, с. 126].*

Образ русской усадьбы, как мы могли убедиться, занимает особое место в лирике Толстого. В раннем творчестве поэта особенности её воплощения были связаны с обращением к предшествующим литературным традициям, в первую очередь – романтическим. В ранней лирике Толстого тема упадка дворянских усадеб выражается в нескольких постоянных мотивах: разрушения, забвения, сна, старости. Толстой, подмечая все детали усадебного мира, с сожалением и скорбью говорит об уходящей в прошлое дворянской культуре. В зрелой лирике Толстой не описывает вещный мир усадьбы, а воссоздает знаковые приметы усадебной жизни. «Сон» забвения уступает место покою, в неторопливости и тишине жизни в русской усадьбе поэт находит истинный смысл жизни. Так, образ усадьбы в творчестве А. К. Толстого соединяет как типологические историко-бытовые черты, так и идею гармонии взаимоотношений человека, его дома и окружающей природы.

Таким образом, образ усадьбы в поэзии А. К. Толстого является частью исторического и культурного наследия России и представляет собой ценный источник информации о быте и традициях дворянства, выражающегося в соразмерности хода усадебного времени течению человеческой жизни. Независимо мыслящую личность формировал именно весь усадебный комплекс со сложной знаковой системой. Поэтому можно с уверенностью сказать, что усадебный быт, воплощенный Толстым, оказал значительное влияние на развитие этических, эстетических и универсальных гуманистических традиций русской культуры, которая, безусловно, остается неотъемлемой частью нашего национального культурного достояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виватенко С. В., Сиволап Т. Е. Дворянские усадьбы как центры экономической и культурной жизни России // Петербургский экономический журнал. – 2019. – № 2. – С. 178–184.
2. Врангель Н. Н. Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
3. Демина Г. В. Мир дворянской усадьбы как зеркало жизни общества // Вестник Московского университета. – 1996. – № 6. – С. 4–18.
4. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. – М.: Традиция, 1997. – 319 с.

5. Коржавин Н. М. Поэзия А. К. Толстого // Вопросы литературы. – 1987. – № 4. – С. 127–151.
6. Толстой А. К. Полное собрание сочинений: в 2 т. – Л.: Советский писатель, 1984. – 640 с.

ИБРАГИМ КАРВАН ХАДЖИ ИБРАГИМ

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

Аннотация. Статья посвящена выявлению арабских и персидских образов в поэтических сборниках Н.С. Гумилёва, начиная от первого – «Пути конкистадоров» (1905) и завершая последним прижизненным сборником поэта – «Огненный столп» (1921), в которых отражается путешествие лирического героя по экзотическим странам, в первую очередь, по Азии и Африке. Описывая удивительную флору и фауну арабских стран, поэт искал диалога с арабской культурой в целом, шёл в направлении изучения как арабских средневековых поэтов, так и мусульманского мира.

Ключевые слова: образ арабского Востока, поэтические сборники Н.С. Гумилёва, образ кочевника, образы флоры и фауны арабских стран, образ Аллаха, образ Синдбада.

IBRAHIM K. H. I.

ARABIC AND PERSIAN IMAGES IN THE POETRY OF N. GUMILYOV

Abstract. The article is devoted to the study of Arabic and Persian images in the poetry N.S. Gumilyov, starting from the first collection of poems "The Ways of the Conquistadors" (1905) and concluding with the poet's last lifetime collection "The Pillar of Fire" (1921), which reflects the journey of the lyrical hero through various exotic countries, primarily in Asia and Africa. Describing the amazing flora and fauna of the Arab countries, the poet was looking for a dialogue with Arab culture in general, went in the direction of studying both Arab medieval poets and the Muslim world.

Keywords: image of the Arab East, poetry collections of N.S. Gumilyov, image of the nomad, images of flora and fauna of the Arab countries, image of Allah, image of Sinbad.

Н.С. Гумилёв, начиная в 1905 году своё восхождение на поэтический Олимп со сборника стихов «Путь конкистадоров», как и многие писатели серебряного века, прежде всего старшие символисты, пошёл в направлении расширения литературной географии и представил читателям образ испанского рыцаря-завоевателя, сумевшего освободить свои земли от арабов и намеревавшегося теперь отправиться за дальнейшими подвигами в Новый Свет и Африку. Неслучайно многие образы и мотивы арабской культуры будут присутствовать уже в первом поэтическом сборнике Н. Гумилёва. Так, в эпиграфе к первому поэтическому сборнику словами Андре Жида звучит мысль о представлении конкистадора кочевником, которому доступно в первую очередь эстетическое восприятие окружающей действительности: «Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что кочует!» [6, с. 1]. Подобное соединение в образе воина-кочевника эпикурейца и эстета уже отсылает к арабской

средневековой поэзии, в которой переплетение мотивов любви и войны будет составлять одну из генеральных линий [8].

Третье стихотворение сборника – «Песнь Заратустры» – не только подтверждает интерес Гумилёва к арабской культуре с первых шагов в творчестве, но и демонстрирует желание поэта сделать именно восточную линию одной из ведущих в своей поэзии, которая выростала на образах, заимствованных из ницшевского «Так говорил Заратустра». С одной стороны, автор «Песни Заратустры» будет в своём творчестве обращаться к образам пустыни и её обитателей – верблюду и льву, которые населяют книгу Ницше: «Всё самое трудное берёт на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню. Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух...» [9, с. 312]. С другой стороны, русский поэт воспекает братское единение, не совсем принимая утверждаемый немецким философом индивидуализм: «Юные, светлые братья \ Силы, восторга, мечты / Вам раскрываю объятья...» [2, с. 37]. Безусловно, пока ещё арабские мотивы выступают в первом сборнике Гумилёва как экзотический тоpos неоромантической поэтики, вследствие чего так много говорится о «мечте» и «голубой высоте», в то же время образ воина-кочевника, поданный в исключительно возвышенном тоне, становится одним из самых ярких и постоянных как в лирике, так и в драматургии поэта.

Ещё один ведущий мотив поэзии Серебряного века – мистический – нашёл отражение в сборнике «Путь конкистадоров» в образе лирического героя-поэта, сопоставимого с образами испанских поэтов-суфиев (Ибрахимом ибн Сахлем или Иегудой Галеви), для которых тождество эзотерического содержания всех религий было неопровержимым и которые активно пользовались для создания образности астрологическими понятиями. Это мы видим и у Гумилёва в стихотворении «Credo»: «Мне всё открыто в этом мире – / И ночи тень, и солнца свет, / И в торжествующем эфире / Мерцанье ласковых планет» [2, с. 38]. Эти суфийские образы открывали Гумилёву простор для поэтического протеизма, для всеохватности культур любых народов, но прежде всего, его интересовали религии и культуры Востока, с чем он связывал обновление национальной традиции: «Когда ж забрезжится восток / Лучами жизни обновленной?» [2, с. 52].

Подобное обновление совершает поэт серебряного века и с лирической героиней, образ которой многое вбирает в себя из арабской средневековой поэзии [1]. Одним из постоянных сравнений в творчестве Гумилёва явится сопоставление женщины с Луной, которое будет звучать в стихотворении «Пять могучих коней мне дарил Люцифер»:

Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос,

И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос [6, с. 46].

Утвердившийся в арабской поэзии постоянный набор признаков, характеризующих голос, взгляд и внешний вид лирической героини, получает в этом гумилёвском стихотворении завершение в образе девы-Луны, само определение которой – уже отсыл к творчеству поэтов Востока (от Абу ‘Абдаллаха Рудаки до Хафиза), в котором таким сравнением награждались красавицы и возлюбленные. Следует подчеркнуть, что образ Ахматовой, зашифрованный в Акrostихе («Адис-Абеба, город роз» [3, с. 29]), будет рисоваться Гумилёвым именно с использованием восточно-арабской палитры.

Образ эфира из стихотворения «Когда из тёмной бездны жизни...» сборника «Путь конкистадоров» – снова отсылка к восточной мистике, но на этот раз обусловленной более древней, египетской мифологией, к образу Осириса.

В «Романтических цветах», втором сборнике стихотворений Н. Гумилёва, звучание арабских мотивов и образов усиливается, причем автор как будто разбивает главный жанр средневековой арабской поэзии – касыду – на составляющие и из её частей формирует целое книги стихов. Так, особенное внимание поэт уделяет первой части касыды – описанию флоры и фауны [10], – места, где недавно обитала возлюбленная.

Там «из пещеры крадётся гиена» с зловещими и унылыми глазами; там живет прекрасный, как бог, лев; там обитают черные пантеры с отливом металлическим на шкуре и бегающие в розовом тумане носороги, фламинго и павлины, а также аисты и орлы, но все они лишь ширма для удивительного чудесного зверя – жирафа, подобного «цветным парусам корабля». Так же волшебна флора тех заповедных мест, в которых живут «величавые арабы»: здесь цветут необычайные растения, не только стройные пальмы тропического сада, но и алеющий цветок и восточная лилия.

Ещё одна примета таинственного арабского мира «Романтических цветов» – упоминание многочисленных камней, которые разбросаны гроздьями по всем стихам книги: это и изумруды, и жемчуга, и рубины, и янтари, и золото, и серебро, и, конечно же обрамляющие это великолепие, шелка, духи и зеркала.

В третьем сборнике стихов «Жемчуга» Н. Гумилёв представляет центральную часть жанра касыды – само путешествие, которое совершается лирическим героем как в подземный мир (в стихотворении «Волшебная скрипка»), так и в горний (в стихотворении «Старый конкистадор»). В этой книге стихов читатель найдёт и результат мистического путешествия – собственно встречу с девой-луной в стихотворении «Свидание», после которого на душе остаётся некий «знак». И если душа в этом лирическом произведении сравнивается с образом

зверя, то сердце сопоставляется с образом травы в «упоительном саду» в стихотворении «Рощи пальм и заросли алоэ...».

Наибольшее проявление арабского культурного кода обнаруживается в четвёртой книге стихов Н. Гумилёва «Чужое небо», в котором автор как будто обобщает достижения западной поэзии и её взгляда на арабский Восток. Неслучайно здесь упоминается Ликонт де Лиль в стихотворении «Однажды вечером», будет высвечиваться образ Синдбада («Ослепительное»), впервые будет упомянуто имя Аллаха («Паломник»), а также будет звучать мотив забвения ратных подвигов («Туркестанские генералы»). В стихотворении «Военная» будет представлен взгляд арабов как на Африку (упоминание города Харрар), так и на Русь (образ ашкеров). Это смещение оптики с русского взгляда на арабский должно было свидетельствовать об установлении уже не литературного, а реального диалога с арабской культурой.

В связи с этим в книге стихов «Колчан» звучат мотивы разочарования от столкновения лирического героя с действительностью, которое наводит на размышления о том, «что дон Жуан не встретил донны Анны, / Что гор алмазных не нашел Синдбад / И Вечный Жид несчастней во сто крат» [4, с. 84] («Пятистопные ямбы»). Призрачный мир литературы оказывается зыбким, не дающим лирическому герою ничего, кроме «презрения к миру и усталости», отчего он находит упоение в бою.

Подобное опустошение происходит и с суфийским представлением о тождестве всех религий. В стихотворении «Ислам» Гумилёв говорит о разочаровании своего героя в вере: «Мыши съели три волоска из бороды Пророка» [6, с. 253]. Эти мотивы соотносятся с названием всего сборника: колчан со стрелами знаменуют собой этап переосмысления лирическим героем всех прежних основ его бытия, отречение от прошлого.

Поэтому название следующего сборника – «Костёр» – видится символическим переходом лирического героя на новый уровень жизнестроительства. В стихотворении «Эзбеки» указывается время, после которого совершается преображение героя – 10 лет. И уже последующие сборники стихов Н. Гумилёва – «Огненный столп» и «Фарфоровый павильон» – представляют лирического героя в новом качестве, а сами стихи являют собой наивысшее формальное совершенствование, поразительно, что центральной темой будет по-прежнему звучать тема арабского Востока, подаваемая теперь в персидском изводе, что будет отражаться даже в названиях произведений: «Подражание персидскому», «Персидская миниатюра», «Моим читателям». А сборник стихов «Шатёр» будет представлять собой вереницу стихотворений об Азии и Африке. Так, в стихотворении «Красное море» нарисован образ араба, погибающего «в грязно-рыжих твоих и горячих волнах» [7, с. 72]. В стихотворении «Египет» появляется образ шейхов, читающих Коран [5, с. 17], а в стихотворении «Сахара» Гумилёв утверждает мысль о связности арабских стран с Россией в том, что составляет

безбрежность, будь то Сахара, Красное море или леса Сибири. Особенным православным взглядом смотрит лирический герой стихотворения «Галла» на «тропический Рим» и поклоняется не только мечети, но и пальмам, в знак уважения.

Таким образом, начиная с первых сборников стихов и на протяжении всего своего творчества Н. Гумилёв обращался к арабским и персидским образам и мотивам, составляющим своеобразный «арабский текст» в поэзии серебряного века. Его многоуровневость определяется разными хронологическими пластами, связанными в сознании русских писателей с арабским культурным ареалом. В поэтической мифологии Гумилёва особую важность приобретали как арабо-андалусская, так и собственно арабская средневековая поэзия, как экзотический тоpos пустыни с его флорой и фауной, так и культура Ислама.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабская поэзия средних веков. – М.: Художественная литература. 1975. – 768 с.
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902-1910). – М.: Воскресенье, 1998. – 502 с.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910-1913). – М.: Воскресенье, 1998. – 344 с.
4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914-1918). – М.: Воскресенье, 1999. – 464 с.
5. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918-1921). – М.: Воскресенье, 2001. – 394 с.
6. Гумилев Н. С. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. – М.: Терра, 1991. – 416 с.
7. Гумилев Н. С. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 2. – М.: Терра, 1991. – 416 с.
8. Куделин А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 512 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 295–556.
10. Фильштинский И. Арабская поэзия средних веков // Арабская поэзия средних веков. – М.: Художественная литература. 1975. – С. 697–717.

ЛЕВКИНА О. С.

**«ГАРШИНСКИЙ ТИП» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. П. ЧЕХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПРИПАДОК»)**

Аннотация. В статье рассматривается «гаршинский тип» в интерпретации А. П. Чехова. На примере сравнительно-сопоставительного анализа чеховского рассказа «Припадок» и произведений Гаршина выявляются как общие признаки данного типа, так и индивидуально-авторское видение персонажа. В ходе анализа акцентируется внимание на таких особенностях характера героев Гаршина, как особая чувствительность, честность, способность к самопожертвованию.

Ключевые слова: гаршинский тип, анализ, сравнение, В. М. Гаршин, А. П. Чехов.

LEVKINA O. S.

**"GARSHINSKY TYPE" IN THE INTERPRETATION OF A. P. CHEKHOV:
A STUDY OF THE SHORT STORY "SEIZURE"**

Abstract. The article considers the "Garshinsky type" in the interpretation of A. P. Chekhov. By means of a comparative analysis of Chekhov's short story "Seizure" and Garshin's works, the common features of this type and the individual author's vision of the character are revealed. In the course of the analysis, the focus is on such personal traits of Garshin's characters as hypersensitivity, honesty, and the ability to sacrifice oneself.

Keywords: Garshin type, analysis, comparison, V. M. Garshin, A. P. Chekhov.

Рассказ «Припадок» написан А. П. Чеховым специально для сборника памяти В. М. Гаршина. В совсем письме Плещееву, который выступал в роли создателя этого посмертного жеста, Чехов писал так: «Что касается гаршинского сборника, то не знаю, что и сказать Вам. Не дать рассказа – не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих – отказаться от участия в сборнике значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински. Всё это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника» [5]. Таким образом, писатель не соглашается на высказанное Плещеевым предложение поместить в этот сборник уже написанную работу, а решает писать оригинальный рассказ, отвечающий настроениям и идеям, которые рассматривал в своей прозе Гаршин. Изначально в своем письме, отрывок из которого приведен выше, Чехов обещал написать этот рассказ за два дня, но в конечном итоге работа над произведением заняла почти месяц: с 15 сентября по 13 октября 1888 г. Выбранная

тема и специфика образа главного героя изначально не подразумевали быстрой работы, что подтвердилось в процессе написания рассказа. Сам Чехов испытывал облегчение, закончив работу над «Припадком» или же «Нервным срывом», как именовался рассказ в других изданиях. В сборник памяти произведение было пропущено без цензуры, но в дальнейшем оно было помещено в небольшой, список запрещенных и «политически некорректных» рассказов Чехова.

Объясняя характер своего героя, писатель отметил, что это «молодой человек, некий Гаршин Типа, сильная личность, честный и глубоко чувствительный, впервые в своей жизни оказывается в борделе. Серьезные вещи требуют серьезного отношения, поэтому я намерен говорить об этом довольно откровенно» [5]. В этом же письме Плещееву возникает словосочетание «гаршинский тип», к которому Чехов относит своего персонажа.

Некоторые его черты писатель сразу обозначил в своем письме. Своего героя писатель характеризует как «честного», «глубоко чувствительного» человека, «сильную личность». Их можно назвать основополагающими, хотя при этом возникает вопрос об обоснованности характеристики «гаршинского типа» как «сильной личности»: как герой «Припадка», так и большинство главных героев рассказов Гаршина либо страдают психическими заболеваниями и подвержены неврозам, либо заканчивают жизнь самоубийством. На наш взгляд, в миропонимании Гаршина, эти два факта не противоречат друг другу. Его персонажи живут и осознают себя в парадигме «основополагающего зла», которое невозможно побороть, а, следовательно, самоубийство и уход от осознанной реальности нельзя считать слабостью. Это наоборот сильный поступок, разрывающий твою связь с вечным злом и его последствиями в виде войны, проституции, несправедливости в общем её понимании, несвободы и т. д. Тот факт, что его герои противостоят злу, пытаются нивелировать его последствия, помогают выйти из порочного круга, для писателя становится важным, даже в том случае, если герой не выходит из борьбы победителем. Итак, существенным признаком «гаршинского типа» является стремление к улучшению мира, даже если это связано с самопожертвованием или смертью.

Гаршиновские герои, действительно, «глубоко чувствительные», воспринимают все ситуации близко к сердцу и каждый фрагмент своей жизни переживают так, как будто сгорают дотла спички, вспыхивая от одной искры. Показательным примером можно считать образ Рябинина из рассказа «Художники», который вкладывает всего себя в картину, а после уже не может ничего написать, сделав полотно вместилищем всего своего таланта и творческого огня. Его работа над картиной заканчивается припадком. Особая чувствительность, полная самоотдача, действительно, становятся отличительными признаками героя «гаршинского типа».

Стоит также отметить еще одно качество – честность. Герои Гаршина честны перед собой (в своих желаниях, мыслях, порывах) и перед обществом (их нельзя уличить в двойных стандартах, пренебрежении к каким-то людям или явлениям, они выбирают одну линию поведения и выстраивают свою судьбу в соответствии с этой линией). Так главная героиня «Attalea princeps» ни разу не нарушила своего слова найти свободу, даже если свобода и убила её.

На наш взгляд, в герое чеховского рассказа «Припадок» весьма ярко проявляются черты героев «гаршинского типа». Для более наглядного анализа можно сопоставить Васильева (главного героя рассказа Чехова) и Андрея, героя рассказа «Надежда Николаевна» Гаршина. Данные произведения сближаются уже на проблемно-тематическом уровне. Оба произведения поднимают нравственные вопросы, связанные с осмыслением проблемы проституции.

Истории персонажей начинаются в одной точке: они не знают скрытого мира домов терпимости, не заглядывали за изнанку светской жизни. Но Андрей на момент знакомства с Надеждой Николаевной воспринимал судьбу падших женщин с горечью, а Васильев с самых первых строк настроен по отношению к ним романтически: «Падших женщин он знал только понаслышке и из книг <...> Они не знают чистой любви, не имеют детей, не правоспособны; матери и сестры оплакивают их, как мертвых, наука третирует их, как зло, мужчины говорят им ты. Но, несмотря на всё это, они не теряют образа и подобия божия. Все они сознают свой грех и надеются на спасение» [6, с. 214]. Этот персонаж относится к числу «спасителей», которых часто изображали писатели конца XIX в. и в этом отношении он также сближается с «гаршинским» типом. В нем можно обнаружить и сходство с Иваном Никитиным, героем рассказа Гаршина «Происшествие». Иван, как и Васильев, хотел спасти проститутку, вырвать её из пагубной среды.

Данное стремление героя соотносится с первым признаком «гаршинского типа» – безусловное желанием нести свет. Однако, как и в случае с гаршинским персонажем, это желание невозможно осуществить, это понимает и читатель, и автор, но не персонаж. Он «сдирает в кровь» свою душу в попытках изменить целый мир и зло внутри него, но в конечном итоге доводит себя лишь до припадного состояния, которое вызвано бессилием и ужасом: «Начинается у меня, – думал он. – Припадок начинается...» [6, с. 229]. «Когда на другой день утром пришли к нему художник и медик, он в разодранной рубахе и с искусанными руками метался по комнате и стонал от боли» [6, с. 234].

В это состояние вводит Васильева прогулка с друзьями по Соболеву переулку – ныне несуществующей на карте Москвы улице, на которой раньше располагался квартал «красных фонарей». Герой ожидал от проституток невинности, контрастирующей с их работой, но в

каждом борделе наталкивается на одну и ту же картину: веселые и пьяные женщины, радующиеся трехразовому питанию, в одинаковых полосатых веселых платьях и одинаково выводящие своих клиентов на деньги за портер, который они просят. В этом мире нет места искуплению и романтическим представлениям. В качестве идеального примера Васильев вспоминает услышанный им где-то эпизод, который на самом деле отсылает читателя к реальному факту биографии самого Гаршина: «всякий раз он вспоминал одну историю, где-то и когда-то им вычитанную: какой-то молодой человек, чистый и самоотверженный, полюбил падшую женщину и предложил ей стать его женою, она же, считая себя недостойною такого счастья, отравилась» [6, с. 215]. В истории, которая в самом деле произошла с братом Гаршина, все было наоборот: самоубийство совершил сам молодой человек.

Герой чеховского рассказа рассуждает: «Что во всей этой чепухе, которую я теперь вижу, может искусить нормального человека, побудить его совершить страшный грех – купить за рубль живого человека? Я понимаю любой грех ради блеска, красоты, грации, страсти, вкуса» [6, с. 219]. В этом отрывке мы видим ещё одну черту «гаршинского типа», выражающуюся в словах «купить за рубль живого человека». Васильеву глубоко отвратительна сама мысль о том, что можно купить человека, его тело. В его истории это отражает то самое «первородное зло», которое видит в мире Гаршин. С ним невозможно бороться, это отражается и в размышлениях героя. Он представляет, что может спасти всех проституток Москвы, но никуда не исчезнут эти женщины в губерниях, в Гамбурге и Лондоне, они будут появляться и появляться, развращенные «бухгалтерами» и готовые к такой жизни. Лучше всего Васильева и в целом этот рассказ описывают такие строки: «Кто-то из приятелей сказал однажды про Васильева, что он талантливый человек. Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще» [6, с. 232].

Данное замечание, безусловно, характеризует «гаршинский тип» в целом. Все эти герои, упомянутые выше, обладают талантом быть человеком. Несмотря на погубленные жизни, и влюбленный Андрей, жизнь которого закончилась после ухода Надежды Николаевны, как и отвергнутого Ивана Никитина, убитый грязной реальностью Васильев, не потеряли доброту и сострадание. Последний не может освободиться от мысли, что он становится властелином по отношению к женщине: «...или же, если проституция в самом деле такое зло, как принято думать, то эти мои милые приятели такие же рабовладельцы, насильники и убийцы, как те жители Сирии и Каира, которых рисуют в “Ниве”. Они теперь поют, хохочут, здраво рассуждают, но разве не они сейчас эксплуатировали голод, невежество и тупость?» [6, с. 228]. Душа Васильева буквально рвется от того факта, что он и его друзья на эту ночь стали причастными к греху рабовладения. Его товарищи не ощущают в себе

этой дилеммы, в то время как наш герой впадает в паническое состояние от этих мыслей. Он здраво оценивает, что сейчас у него начнется припадок, но не может остановить это состояние своей остро чувствующей души.

Необходимо отметить, что Чехов, обратившись к «гаршинскому типу», вносит в него собственное видение. Так, например, в отличие от персонажей Гаршина, Васильев не заканчивает свою жизнь после столь сложного эпизода в своей жизни. Он не впадает в депрессию, не порывает с привычной жизнью и не умирает: «На улице он постоял немного, подумал и, простившись с приятелями, лениво поплелся к университету» [6, с. 237]. Жизнь его продолжается точно так же, как шла до этой истории и припадка. У Чехова мы не наблюдаем такого душевного надрыва крайней степени, как в оригинальной истории. Васильев может здраво мыслить во время припадка и отвечать врачу, сам просит отвести его в больницу. В прозе Гаршина такая история не могла завершиться подобным рассудительным состоянием героя.

Более того, Васильев довольно поэтично и романтично относится в начале к этим женщинам: «Неведомая блондинка или брюнетка, наверное, будет с распущенными волосами и в белой ночной кофточке; она испугается света, страшно сконфузится и скажет: “Ради бога, что вы делаете! Потушите!”» [6, с. 217]. Подобная романтизация каких-либо образов не встречается в творчестве Гаршина. Все воспринимается его персонажами в реалистическом свете, без намеренного сгущения красок или яркого воодушевления. Отчасти именно романтическое представление о падших женщинах доводит Васильева до исступления: все его представления рушатся от борделя до борделя, нигде не находит он той греховной невинности, которую жаждал увидеть. Эта пошлость, если рассматривать её как безвкусию и вульгарность, не может соотноситься у Васильева с книжным миром, из которого состояло его представление о реальности.

Таким образом, в чеховской интерпретации «гаршинский тип» имеет некоторые общие черты, которые объединяют многих персонажей Гаршина. Это и стремление к справедливости, противодействие злу, и в высшей степени душевная чувствительность, и честность по отношению к миру и себе, и общие переживания определенных тем (проституция, положение женщины в этом мире, возможность и невозможность противостоять несправедливости). Но, вместе с тем, Чехов вносит своё виденное данного типа. Васильев не заканчивает жизнь самоубийством и не умирает в процессе своего припадка, продолжает жить дальше. В нем достаточно много романтических черт, не присущих персонажам Гаршина. Если продолжать упомянутую в тексте аналогию со спичкой, то чеховский Васильев скорее свеча, которая тоже загорается от определенной идеи, но

продолжает гореть долго, хотя и у свечи будет свой конец, только не такой быстрый, как у спички, которая вспыхивает в душах гаршинских персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бялый Г. А. Всеволод Михайлович Гаршин. – М.: Просвещение, 1969. – 128 с.
2. Гаршин В. М. Красный цветок: Рассказы. – Киев: Дніпро, 1986. – 260 с.
3. Латынина А. Н. Всеволод Гаршин. Творчество и судьба. – М.: Художественная литература, 1986. – 221 с.
4. Покровская М. И. О падших: русские писатели о падших. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 67 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Т. 2. – 773 с.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Гослитиздат, 1954–1957. – Т. 6. – 654 с.

ЕРШОВА Н. И., МИТРОФАНОВА Я. Ю.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Аннотация. В статье охарактеризованы основные способы образования определительных наречий в русских говорах Мордовии, указаны части речи, выступающие в качестве производящих, определены основные словообразовательные аффиксы. Выявлена общая специфика рассматриваемых способов словопроизводства на диалектном материале в сопоставлении с литературным русским языком.

Ключевые слова: говоры, способ словообразования, диалектные наречия, аффикс, производящая основа.

ERSHOVA N. I., MITROFANOVA YA. YU.

WORD FORMATION OF DETERMINATIVE ADVERBS

IN THE RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

Abstract. The article describes the main ways of forming determinative adverbs in the Russian dialects of Mordovia. The authors identify the parts of speech that act as producing ones and define the main word formation affixes. The general specificity of the ways of word formation on dialect material in comparison with the literary Russian language is revealed.

Keywords: dialects, word formation, dialect adverbs, affix, producing base.

Изучение лексического состава диалектов в структурно-семантическом плане имеет ряд преимуществ: позволяет полно и всесторонне установить связи между словами и обозначаемыми ими явлениями, выявить объем и значение слов, входящих в семантическую группу, определить словообразовательные особенности компонентов группы. Тематический ряд, лексико-семантическая группа и семантическое поле являются манифестацией системности лексики и отражают парадигматические отношения между словами. В лингвистической, в том числе диалектологической, литературе проводится изучение системности лексики как в пределах одного говора, так и их совокупности. Как и в литературном языке, лексика конкретного говора характеризуется иерархичной структурой, заключающейся в том, что лексико-семантическую группу и тематический ряд можно считать своеобразными микросистемами, а словарь диалекта в целом предстает как система большего порядка, объединяющая эти микросистемы, которые взаимодействуют друг с другом, противопоставляются друг другу – семантическое поле.

В то же время объединения любого ранга обладают сетью межсловных отношений – синонимических, омонимических, антонимических. Исследование лексики языка по гиперо-

гипонимическим (родовидовых) отношениям также представляет собой один из способов лексической парадигматики. Соприкасаясь одной своей стороной с сигнификативным значением слова, а, с другой, отражая его структурное наполнение, родовидовая парадигма позволяет осуществлять системный анализ различных языковых фактов и рассматривать лексику как системно организованную структуру.

При парадигматическом анализе выявляется характер смысловых связей между подгруппами внутри группы и между отдельными членами каждой группы. Исследуя парадигматические отношения, можно установить иерархию семантических единиц, которые образуют семантическую группу. Сложность и многообразие этих связей и составляют во многом суть системных отношений лексики диалекта. Только учет всех отношений, существующих в словарном составе языка, позволяет оценить особенности организации различных семантических групп слов.

В абсолютном большинстве работ, посвященных описанию тех или иных словообразовательных типов в различных говорах русского языка, решается, прежде всего, задача выявления специфики диалектного словообразования. Изучение диалектного словообразования производится путем сопоставления соответствующих фактов литературного языка и говоров, что предполагает выявление собственно диалектных черт с учетом общих принципов организации словообразовательной системы русского языка и основных тенденций ее развития (см. [1, с. 15–26], [2, с. 90–101]).

Специфика диалектного словообразования заключается в следующих особенностях.

1. Своеобразие производящих основ. В диалектное словообразование включаются в качестве производящих основ слова узкодиалектные, в литературном языке уже (или еще) не представленные.

2. Своеобразие словообразующих суффиксов и префиксов. В говоре отмечается иная продуктивность суффиксов. Продолжают активно употребляться суффиксы, которые в литературном языке утрачивают продуктивность: *-ав-*, *-яв-* (*делявый*, *ручнявый*, *годявый*, *тончавый* и т. п.). Изменяется и стилистическая окраска некоторых аффиксов, например, префикса *воз-*, имеющего в литературном языке книжную окраску, но при этом употребляющегося в говорах и в качестве стилистически нейтрального («Господи, приведи ягненка *воспитать!*» (костромские говоры), и в качестве экспрессивно окрашенного. См., например, выражение силы, напряженности действия в таких глаголах: *восстаныковать* «плакать с криком, стоном»: «Ой, да парень у тебя *восстаныковал*» (олонецкие говоры.).

3. Особенности сочетаемости морфем. Главное же отличие диалектного производного слова проистекает из своеобразия сочетаемости морфем. Из основ слов общерусских с помощью суффиксов и приставок, употребительных в литературном языке, строятся слова

диалектные. Например: *Вил-ат-ое дерево* (разветвленное); *Вид-к-ие очки* (через которые хорошо видно) и т. п.

4. Принципы осложнения основ. В любом диалектном материале обращает на себя внимание большое количество производных слов со сложным морфемным составом. Осложнение морфемного состава слова – один из основных принципов диалектного словообразования. Прослеживается эта тенденция в словообразовании любой части речи, особенно в системе прилагательных и глаголов. Так, в прилагательных наряду со словами простой структуры многочисленны образования, осложненные добавочными, уточняющими суффиксами. Например: *ловкий – ловчивый – ловистый – ловкящий; бойкий – бойкящий – бойчивый; любой – любковатый* и т.п. В системе глагола эта тенденция проявляется в наличии большого числа многоприставочных глаголов (*призадлится, заподхаживать, оприсаживаться, приростушеваться* и др.).

Интересен тот факт, что словообразование представляет интерес для исследования не само по себе, а как отражение законов семантической системы говора, ее особенностей [3]. Поэтому необходимо, говоря о словообразовании в диалекте, затронуть вопросы семантики, именно здесь следует искать объяснения данным фактам. Основные черты лексико-семантической системы диалекта – конкретность, детализация в наименовании предметов и явлений, этимологическая мотивированность, теснейшая связь с производящим словом, архаичность форм и значений слова – отчетливо отражены в сфере диалектного словообразования. Именно тенденция к максимальной конкретности выражения и обуславливает образование новых слов с более сложным морфемным составом. В говоре складываются ряды однокоренных слов, отражающие ступени конкретизации обозначаемого явления.

Вопросы специфики диалектного словообразования начиная со второй половины XX века исследовались на материале практически всех групп русских говоров, что обуславливает актуальность и необходимость описания не только лексических [3], но и словообразовательных особенностей отдельных частей речи и их разрядов, в частности определительных наречий, в русских говорах Мордовии.

Структурно-семантический анализ диалектных определительных наречий в русских говорах Мордовии позволяет сделать следующие выводы.

В русских говорах Мордовии представлены два разряда определительных наречий:

- образа и способа действия, характеризующие то, как совершается действие;
- меры и степени (количественные), обозначающие интенсивность признака или его кратность.

Основным способом образования наречия в русских говорах Мордовии является морфологический. Этим способом диалектные наречия образуются от большинства знаменательных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и наречий [5]. В качестве производящих могут выступать как общенародные, так и собственно диалектные основы.

Наречия, образованные на базе существительных.

В этой группе наиболее продуктивны наречия, образованные суффиксальным способом. Очень продуктивны суффиксы -ом (-ем), -ой (ей): *дур-ом* «1. Нахально, бесцеремонно; 2. Попусту; 3. Очень» и др.. Напр.: *Прямъ мужыки, нъпороцъ бы токъ, прёсси дуром – дай вина* (Кайбичево, Дубенский район).

Префиксально-суффиксальным способом образованы наречия *до-раз-у* «в один прием, разом», *о-донышк-ом* «в форме круга», *в-расплош-ку* «неожиданно», *по-град-ски* «как в городе», *по-келей-ному* «уединенно, одиноко».

Наречия, образованные на базе прилагательных.

Наиболее частотны в данной группе наречий лексемы, образованные с помощью суффиксов -о, -е. К ним можно отнести следующие наименования: *баск-о* «хорошо», *куратн-о* «ловко», *припенн-о* «богато» и др. Напр.: *Кулаки-тъ жыли припеннь, ни ф чѣм ни нуждались* (Русское Давыдово, Кочкуровский район).

Префиксально-суффиксальным способом в русских говорах Мордовии образуются наречия *по-резк-ому* «очень быстро», *по-разн-овски* «отдельно, врозь», *до-прям-а* «точно, достоверно».

Наречия, образованные на базе глаголов.

Среди наречий, образованных от глагольных основ, преобладают суффиксальные наименования. Широко используется суффикс -ма, с помощью которого образуются следующие наречия: *стой-ма* «стоя», *бег-ма* «бегом», *леж-ма* «в лежащем положении, лежа». Напр.: *Лижма* чытаю (Лаврентьево, Темниковский район).

Только для диалектных наречий характерен суффикс -шки, не представленный в литературном языке. Данный суффикс может присоединяться непосредственно к глагольной основе (*защури-шки* «вопреки желанию», *спотыка-шки* «быстро») и к деепричастию целиком (*нехотя-шки* «вопреки желанию», *сижма-шки* «сидя», *кидма-шки* «броском»).

Наречия, образованные на базе наречий.

Это самая многочисленная группа морфологического словообразования в русских говорах Мордовии. Многие отнаречные наименования выстраиваются в цепочки однокоренных слов, выступающих в качестве словообразовательных синонимов: *верхачом* –

верхма – верхома – верхотом «верхом», *пеша – пешаком – пешем – пешеха – пешками* «пешком» и др.

Наречия данной группы чаще всего образуются суффиксальным и префиксальным способами. Из суффиксов наиболее продуктивны:

- -ом (-ем) и производные от него, напр.: *верх-ачом* «верхом»;
- -ма, напр.: *босик-ма* «босиком»;
- -оньк- (-еньк-) и производные от него.

В качестве непродуктивных можно отметить суффиксы –ень (*хорош-ень* «как следует, хорошо»), -есь (*люб-есь* «хорошо»), -ок (*напрям-ок* «кратчайшим путем, напрямик»), -ож (*так-ож* «так, таким образом»), -j- (*тиш-ью* «тайно, скрытно») и др.

Многочисленны в русских говорах Мордовии и префиксальные образования наречий от наречий. Особенно продуктивны здесь диалектизмы с приставками -не и -по: *не-сручно* «неудобно», *по-худо* «плохо».

Непродуктивными при образовании определительных наречий являются префиксы –у (*у-скудно* «бедно, скудно»), -с (*с-навалом* «очень много»), -за (*за-решительно* «совсем, совершенно»). Напр.: Жыли мы *ускуднъ*, ни ф себе, ни нъ себе (Трофимовщина, Ромодановский район).

Довольно часто в рассматриваемых говорах встречаются и определительные наречия, образованные префиксально-суффиксальным способом: *по-напрас-ку* «напрасно»: *Пънапраску* Ани в лес хадили, не былъ нынчи грибов (Горяйновка, Кочкуровский район).

Немногочисленно в рассматриваемых говорах образование определительных наречий с помощью сложения основ, в частности сложносуффиксального способа. Напр.: *пешеходом* «пешком»: Мы раньшъ-тъ дъ Рузаифки *пишыходъм* добирались. Машын не былъ, пишыходъм хадили (Шишкеево, Рузаевский район). Как видим, в качестве сложение основ осложняется добавлением только одного суффикса – -ом.

В русских говорах Мордовии наблюдается и неморфологическое образование. С помощью лексико-семантического способа в рассматриваемых говорах образованы следующие наречия:

Степенно «прилично, достойно»: Фсе маво сынъ хвалют, пьтаму штъ он сибя *стипеннъ* видёт (Никольское, Торбеевский район). Ср. литературное: «рассудительно-серьезно, важно» [4].

Темно «плохо»: Я фсе *тямно* помню (Дубасово, Zubovo-Полянский район). Ср. литературное: «без света» [4] и др.

Таким образом, в русских говорах Мордовии представлено два разряда определительных наречий: образа и способа действия и количественные (меры и степени),

первый из которых образует родо-видовую парадигму на диалектном материале. Обозначить наречия с более / менее конкретными значениями в рамках второго разряда не представляется возможным в силу семантической однородности количественных наречий. Кроме того, между элементами данных групп актуализируются синонимические, антонимические и омонимические отношения, из которых доминирующими необходимо признать первые.

Анализ словообразовательных особенностей диалектных определительных наречий показал, что подобные слова образуются двумя способами: морфологическим и лексико-семантическим. Морфологическим способом диалектные наречия образуются от большинства знаменательных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Особенно продуктивны суффиксация и префиксация. Очень активны суффиксы -ом (-ем) (*комплеон-ом, дур-ом*), -ой (ей) (*обувк-ой, тениг-ой*), -ма (*стой-ма, беж-ма, леж-ма*), -о, -е (*гож-е, райн-о*). Из префиксов наибольшей частотностью отличаются не- (*не-годно, не-складно*) и по- (*по-худо, по-прытче*). Практически не представлены в рассматриваемых говорах диалектные наименования, образованные сложносуффиксальным способом (*пешеходом, стоногом*).

Некоторые определительные наречия образуются лексико-семантическим способом, при котором диалектные наименования возникают в результате изменения в семантике, уже существующих в русском языке, напр.: *момент* «быстро». Ср. литературное: «1. Миг, мгновение, короткое время, в которое происходит что-нибудь». В качестве производящих (мотивирующих) выступают основы как общенародных, так и собственно диалектных слов.

Диалектное словопроизводство рассмотренных определительных наречий продемонстрировало такие особенности при сопоставлении с литературным словообразованием, как наличие специфических аффиксов, продуктивность нерегулярных в литературном языке префиксов и суффиксов, особенности сочетаемости морфем и большое количество словообразовательных вариантов.

Итак, изучение диалектных наречий разных разрядов – чрезвычайно сложная проблема, которая не является завершенной. От первоначального этапа изучения диалектного словообразования в лингвистической литературе, результатом которого явилось описание в говоре или в группе родственных говоров образования слов различных частей речи, диалектологи переходят к изучению проблемных вопросов словообразования; становятся возможными исследования обобщающего характера, вскрывающие принципы системной организации диалектного словообразования, его связи с морфологией и лексикой. Необходимы работы, в которых эти проблемы рассматривались бы и на материале одного

говора, и на материале большой группы однородных говоров, что позволит решать вопросы теории словообразования на функциональном и типологическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климкова Л. А. О системности диалектного словообразования // Уч. зап. Горьков. пед. ин-та. – Вып. 115. – Горький: Изд-во ГГУ, 1971. – С. 15–26.
2. Луканина Г. В. О специфических чертах словообразовательных типов в диалектном словопроизводстве // Проблемы русского языка и его методики: сб. ст. – Красноярск, 1972. – С. 90–101.
3. Ершова Н. И., Овезова А. М. Структурно-семантическая характеристика наречий образа и способа действия в русских говорах Мордовии [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2018. – № 5. – Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/strukturno-semanticheskaya-karakteristika-narechij-obraza-i-sposoba-dejstviya-v-russkix-govorax-mordovii> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2008. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1-672. – Ч. 2. С. 673–1560.

ДЕНИСОВА Л. Н., РЕБРОВА И. А.

**ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В
ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ**

Аннотация. В статье анализируются семантические особенности диалектных глаголов и фразеологизмов, входящих в тематическую группу «Земледелие». На материале русских говоров Мордовии исследуются диалектные единицы, связанные с описанием различных видов работ во время уборки зерновых и иных культур, заготовки сена. Анализ диалектного материала отражает фрагмент национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: русские говоры, диалектные глаголы, фразеологические единицы, семантическая группа, земледелие, значение, синонимический ряд.

DENISOVA L. N., REBROVA I. A.

**REFLECTION OF CULTURAL AND HISTORICAL PECULIARITIES IN THE
VOCABULARY AND PHRASEOLOGY OF RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA**

Abstract. The article provides an analysis of the semantic features of dialect verbs and phraseological units belonging to the thematic group of "Agriculture". Dialect units describing various types of work during harvesting, hay-making are studied on the material of Russian dialects of Mordovia. The analysis of the dialect units reveals a fragment of the national linguistic worldview.

Keywords: Russian dialects, dialect verbs, phraseological units, semantic group, agriculture, meaning, synonymic row.

В русских говорах Мордовии достаточно многочисленными являются глаголы и фразеологизмы, составляющие тематическую группу «Земледелие». В состав рассматриваемой группы входят лексические и фразеологические единицы, обозначающие разнообразные действия: обработку земли, уход за растениями, уборку урожая, различные виды работ во время жатвы созревших хлебов, заготовку сена и т.д. Жизнеобеспечение крестьянской семьи зависело от хозяйственно-промысловой деятельности, поэтому одним из основных занятий для жителей Мордовии являлось земледелие; особое место в наших материалах занимают лексические и фразеологические единицы, связанные с возделыванием зерновых культур. Изучая особенности ведения сельского хозяйства в Мордовии, исследователи отмечают, что «наиболее распространенными возделываемыми культурами у русских были рожь, пшеница, овес, ячмень, полба, горох, просо и гречиха» [2, с. 39].

Анализ лексических и фразеологических единиц, представленных в русских говорах Мордовии [3; 4], позволяет проследить процесс уборки зерновых культур в определенной последовательности действий. В исследуемых материалах нами отмечены диалектные глаголы типа *выжжина'ть, цо'пать* и т.п., употребляющиеся со значением '*срезать под корень хлебные злаки серпами, жать*'; глаголы типа *мы'жить* имеют значение '*вязать снопы*'; глаголы типа *наса'живать* обозначают '*укладывать снопы в ряд для обмолота*'; глагол *задава'ть* обозначает '*подавать, закладывать снопы в молотилку*' и т.д. Указанные глаголы, связанные с земледелием, были рассмотрены нами в составе профессионально-трудовой деятельности диалектоносителя [5].

В исследованиях, посвященных истории и культуре народов Мордовии, описываются особенности уборки зерновых культур в Мордовии, например: «Рожь к уборке поспевала в крае ко второй половине июля. Уборку проводили бережно и только серпом. После жнитва рожь обычно вязали в снопы, которые оставляли сохнуть на некоторое время, затем складывали в *крестцы* или *бабки*» [2, с. 39].

Наблюдения показывают, что в семантике отмеченных глаголов представлены те виды работ, которые связаны с подготовкой к обмолоту зерновых культур. Большинство таких глаголов употребляется в контекстах, отражающих жизнь диалектоносителя, при этом в примерах подчеркивается факт использования ручного труда, например: *Мы бывальчи фсё руками делъли: и выжынали, и мълатели, и ткали. Выжынаиш цэльный день, а к вечиру спина-ть ни чют* (Шишкеево, Рузаевский р-н). *Бываль раньшъ ф поли цэлый день снопы мыжыиш, мыжыиш, аиш к вечъру спину ни ръзогнѣиш* (Вечерлей, Атяшевский р-н). *Снапы насажывъли и цапами мълатели* (Лаврентьево, Темниковский р-н). *Падручный зъдаёт снапы в мълатилку* (Старая Михайловка, Ромодановский р-н). Как известно, крестьянин всегда трудился на пределе своих физических возможностей, в приведенных конструкциях описывается жизнедеятельность русского народа, проживающего на территории Мордовии в начале XX века.

В составе анализируемой тематической группы имеется несколько фразеологизмов, связанных с обработкой зерновых культур, типа *насаживать в ригу* со значением '*укладывать в ряд для обмолота (снопы)*', например: *Насажывъиш в ригу – етъ кады снопы в рят разложыиш нъ таку, а тады уиш мълатить станут* (Лаврентьево, Темниковский р-н). Нами зафиксирован фразеологизм *на горсть'х* со значением '*сжатый, но не связанный в снопы (о зерновых культурах)*'. Например: *Хлеп-та згниётъ д дожджа нъ горстьях* (Наченалы, Чамзинский р-н).

Самыми многочисленными в данной тематической группе являются диалектные глаголы со значением '*выбивать зерна из колосьев, молотить*'. В русских говорах

Мордовии с указанным значением употребляются глаголы *гла'дить, ла'дить, хво'здать, хворызда'ть, цапа'ть, цепа'ть* и т.п., составляющие синонимический ряд, например: *Щас хлеп вручьную ни убирают, а мы бываль нъ таку гладили яво, старались* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский р-н). *Сначаль събирёширош ф снапы, убирёш фсё, а патом цыпаш иё* (Чеберчино, Дубенский р-н); *Раньшъ вить хлеп-тъ вручьную хвоздъли, цыпами. Мне прихадилъсь и гарох, и кукурузу хвоздъть* (Уришка, Ромодановский р-н).

В исследуемых нами материалах обнаружен ряд фразеологизмов, содержащих дифференциальные семы указанного значения: *лад вести* обозначает 'ударять в лад цепами при молотье', с отворотом – 'при молотье в несколько цепов ударять в такт' и т.п., например: *Бываль, как выдут ф семь цапоф мьлатить, фсем на зависть. А как лат висти начьнут, тут прямъ заслушьсси* (Усыкино, Инсарский р-н). *С атваротъм лехиъ мьлатить* (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н).

Особенности обработки зерновых культур описываются исследователями мордовского края следующим образом: «Молотье хлеба осуществляли осенью и зимой, а при нехватке хлеба – сразу после уборки первого участка. Обмолот зерновых проводили на специально подготовленном обледенелом току. Молотильщики (3-4 человека становились друг против друга) ударяли цепами сначала по колосьям одного ряда, а затем другого» [2, с. 40].

В русских говорах Мордовии семантическая группа слов, связанная с процессом молотье, многочисленна и разнообразна. Зафиксированы диалектные глаголы типа *токова'ть* со значением 'работать на площадке для молотье'; *вспа'хивать* – 'сметать с вымолоченного зерна мякину' и т.п., например: *В уборку бабы с утра до нъцы такуют. Летъм мы тожь такум* (Надеждино, Ельниковский р-н).

Наряду с уборкой зерновых культур для сельского жителя не менее важным видом сельскохозяйственной деятельности была заготовка сена, так как Мордовия являлась регионом, в котором активно развивалось животноводство, в том числе в личных хозяйствах; практически в каждом дворе имелись животные, для содержания которых необходимо было заготовить корм на зиму. В исследуемых материалах имеются глаголы типа *сара'пать, сшиба'ть, тя'пать* и т.п. со значением 'срезать косой, косить траву', например: *Траву ф проулки давичы шиыбал, фсю косу изорвал уб бьстылы* (Суподеевка, Ардатовский р-н). *Как начьнёт тяпъть нъ пакоси, трава толькъ литит. Как лофкъ он траву тяпът* (Веденяпино, Теньгушевский р-н). В этой же группе нами отмечен единичный диалектный фразеологизм *убирать сенокос*, обозначающий 'косить траву на сено', например: *Тепери начъли убирать синокос, ну убирать нельзя, залили дожжы* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Анализируемый материал позволяет выделить диалектные глаголы, которые репрезентируют разнообразные действия при заготовке сена. Так, глаголы *будора'жить,*

перебива'ть, разбива'ть и т.п. употребляются со значением ‘переворачивать, ворошить’; глаголы *гру'дить, сгру'живать, скро'бить* обозначают ‘гребя, собирать в одно место’; глаголы *стоговать, стожить, ценовать, шкирдовать* и т.п. имеют значение ‘метать, складывать сено в стог’; диалектизмы *верши'ть, сверша'ть, заверша'ть* и т.п. используются со значением ‘делать верх скирды, стога сена’; *подка'пнивать* – ‘подвозить копны к стогу’ и т.п. Заметим, что такие глаголы составляют несколько синонимических рядов, следовательно, можно говорить о важности для диалектоносителя Республики Мордовия этого вида сельскохозяйственной деятельности, например: *Ни дѣнимай миня, мне некъли, я сенъ рѣзбиваю. – Рѣзбиваш сенъ-тъ и не видиш, штъ из гниловъ-тъ угла дожжык идѣт* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Большинство диалектных единиц рассматриваемой группы характеризует крестьянский труд как тяжелый, изнурительный, не случайно в исследуемых говорах многочисленны фразеологизмы, в значении которых содержится указание на усталость человека: *обрыва'ть (оборва'ть) ру'ки* со значением ‘утомлять (утомить) тяжелой работой, приводить (привести) в болезненное состояние’; *расхвата'ть ру'ки* обозначает ‘натрудить руки при жатве серпом’, *ру'ки расхвата'ются* – ‘руки натрутся, придут в болезненное состояние’; *навиха'ть но́ги (ру'ки)* – ‘утомить, привести в болезненное состояние ноги (руки)’ и т.п. Например: *Рѣсхватаюцѣь руки-тъ послѣ жнитва, мочи нету* (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н). *Жнѣш с утра да вечерѣ, фсе руки-тъ рѣсхватаиш* (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н). *Таперь нѣ мѣладѣе никто руки ни абрыват, канбайнѣм малотют* (Языкова Пятина, Инсарский р-н). *Цѣлый день нони сенъ шѣвырялѣ, индѣ руки нѣвихалѣ* (Редкодубье, Ардатовский р-н). В приведенных примерах демонстрируется стремление человека выполнить большой объем работы, в результате чего нередко наносится ущерб здоровью.

Несмотря на то что утомительный труд нередко доводит сельского жителя до изнеможения, в конструкциях с диалектными единицами рассматриваемой семантики подчеркивается жизненная необходимость труда. В русских говорах Мордовии зафиксированы фразеологизмы типа *прóдыху не знать* в значении ‘быть занятым какой-либо работой постоянно’, например: *Вясной прóдыху ни знаш: то капать, то сажать, то палоть, то пѣливать* (Атемар, Лямбирский р-н).

Наряду с хлебопашеством русские крестьяне мордовского края занимались огородничеством, которое развивалось неравномерно. Выращивали в основном капусту, огурцы, зеленый лук, морковь. До настоящего времени сохраняется специализация отдельных районов и сел Республики Мордовия по выращиванию тех или иных культур. В историко-этнографических исследованиях отмечены также некоторые особенности

обработки земли в зависимости от района Мордовии: «В Спасском уезде перед посевом проса крестьяне предварительно проводили две вспашки и боронование, сеяли под соху и потом бороновали. Практиковалась и «ломка пашни» через несколько дней после посева, особенно если вспашка до посева была одна. В Темниковском уезде под просо проводили три вспашки и три боронования: по взметанной и заборонованной жниве рассеивали просо, а затем запахивали его и забороновывали, через некоторое время «ломали» и снова забороновывали» [2, с. 40].

Как отмечают историки, во второй половине XIX века на больших площадях в Мордовии стали сажать картофель. В русских говорах Мордовии глагольная лексика и фразеология, связанные с обозначением различных видов работ по уходу за картофелем, довольно многочисленны. Преобладают глаголы со значением ‘окучивать’: *обва'ливать*, *обрыва'ть*, *обсыпа'ть*, *ока'пывать*, *она'хивать*, *подпа'рывать*, *осыпа'ть*, *черя'пать* и т.п. Зафиксированы глаголы *разъезжа'ть*, *проезжа'ть* и т.п. со значением ‘окучивать сохой, опахивать (картофель)’, диалектные глаголы *колоти'ть*, *бороздни'чать*, *пыря'ть*, *ско'пывать*, *подпа'рывать*, *подбива'ть*, *щеря'пать* и т.п. со значением ‘мотыжить’ употребляются при обработке различных сельскохозяйственных культур. В исследуемых материалах обнаружены глаголы типа *сади'ть* со значением ‘возделывать, засаживать (землю)’, *содить*, *сеть* – ‘сажать, сеять’. Диалектные глаголы *порыва'ться*, *поры'ть*, *ря'дить*, *то'хать* и т.п. употребляются со значением ‘копать (выкопать), рыть (вырыть) (картофель)’ (см. подробнее [1]).

В наших материалах имеются лексические и фразеологические единицы, передающие информацию о жизни русского населения Мордовии в определенный период развития нашей страны. Так, фразеологизмы *за пусту'шку ходить*, *работать*, *за палку* и т.п. означают работать ‘за трудодни’, например: *А ф калхос-ть хадили зь пустушку. Зь пустушку, зь пустую пальчку работъли* (Ямщина, Инсарский р-н). Данный пример подтверждает, что в середине XX века работа в колхозах не оплачивалась деньгами. Кроме того, в советский период колхозы и совхозы в обязательном порядке должны были сдавать или продавать государству сельскохозяйственную продукцию; данный факт зафиксирован в русских говорах Мордовии в виде фразеологизма *засыпа'ть в заку'п*, например: *У нас ныни картошку зьсыпали в закуп* (Ямщина, Инсарский р-н).

Таким образом, диалектный материал позволяет исследователям репрезентировать историческое развитие страны, описать национальную культуру, традиции, заложенные в семантике лексических и фразеологических единиц. Обращение к этнокультурному наследию помогает приобщиться к духовным ценностям народа, подчеркнуть значимость труда в жизни диалектоносителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисова Л. Н. Земледельческая глагольная лексика в русских говорах Мордовии // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 17–18 мая 2012 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин: АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С.115–119.
2. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист.наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 608 с.
3. Семенова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2007. – 332 с.
4. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1-672. – Ч. 2. С. 673-1560.
5. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Мордовия / О. Л. Аriskина, И. А. Ребрушкина, Н. В. Сивцова [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2011. – 192 с.

УСАНОВА А. В.

ПОЭТИКА РАССКАЗА М. А. ШОЛОХОВА «ОБИДА»

Аннотация. Статья посвящена осмыслению поэтики рассказа М. А. Шолохова «Обида». Показана уникальность созданного в произведении художественного мира на уровне художественной идеи, системы образов, психологического рисунка личности героя и поэтического языка.

Ключевые слова: гражданская война, исторический контекст, Шолохов, «Донские рассказы», мифологизация.

USANOVA A. V.

POETICS OF M. A. SHOLOKHOV'S STORY "THE RESENTMENT"

Abstract. The article is devoted to understanding the poetics of M. A. Sholokhov's story «The Resentment». The study shows the uniqueness of the artistic world created in the work at the level of the artistic idea, the system of images, the psychological picture of the character's personality and poetic language.

Keywords: civil war, historical context, Sholokhov, "Don Stories", mythologization.

В «Донских рассказах» М. А. Шолохов изображает рядовые события гражданской войны. Уникальными и чрезвычайными их делает контекст войны, где все обостряется, превращается, меняет свой привычный облик. Сюжеты «донских» рассказов, безусловно, обладают исторической информацией, содержат историческое знание о времени, наделены приметами исторического повествования [7]. Герои М. А. Шолохова как будто проживают обычную жизнь, обычно исполненную трагизма человеческих отношений во время войны. В его героях любовь и ненависть присутствуют одновременно и неразрывно. Показательным является рассказ «Продкомиссар», в котором сын-продкомиссар, убивающий отца, отказавшегося сдавать хлеб для армии, продолжает его любить с той же огромной силой, что и прежде, но не может сохранить ему жизнь. Будучи не в силах простить себе убийство отца, неосознанно искупает вину спасением незнакомого мальчика, замерзающего в снегу. Отдает ему лошадь, а сам погибает от рук преследовавших его белогвардейцев (1925).

Неверно воспринимать рассказы М. А. Шолохова как только сухую констатацию братоубийственной войны, участники которой лишены рефлексии. У его героев есть сердце и ум, их сердце болит и страдает, а ум сложно оценивает трагедию происходящего. Поэтому «донские» рассказы безусловно обладают гуманистической сущностью. Вековая идеальная традиция столкнулась в 20-е гг. XX в. с жестокой исторической реальностью, что и создало поле для появления шолоховских сюжетов. Один из психологически мощных

рассказов, составляющих макросюжет «Донских рассказов», – «Обида». В нем главный герой – Степан не может простить своего обидчика, отнявшего у него в голодный год семенную пшеницу и безжалостно, с насмешкой обрекшего все семейство Степана на верную смерть.

В настоящем исследовании мы поставили перед собой задачу рассмотреть своеобразие поэтики рассказа М. А. Шолохова «Обида», показать уникальность созданного в нем художественного мира на уровне художественной идеи, системы образов, психологического рисунка личности героя и поэтического языка.

Общеизвестно, что поэтика – наука о строении литературных произведений и системе эстетических средств, в них используемых. Поэтика исследует возможные способы художественного воплощения замысла писателя и законы сочетания различных способов в зависимости от жанра, литературного вида и рода. Основной проблемой поэтики является установление соотношений между замыслом и совокупностью художественных средств, используемых в произведении.

Каждый талантливый писатель в своём творчестве воплощает особое видение мира подобно тому, как каждый человек смотрит на окружающую действительность и уникально интерпретирует её. Именно вносимое автором в художественное пространство многообразие оттенков, создание неповторимого колорита, выявление только ему видимых деталей и образов позволяют ему запечатлеть свой облик в единстве со временем и войти в ряд ярких художников слова.

М. А. Шолохов изображает так называемого простого человека, устроенного совсем не просто, имеющего очень сложно организованную эмоциональную жизнь, ныряющего в непознаваемые глубины собственной психологии. Расположив его в пространстве двора, пастбища, мельницы, он расширил его личностный диапазон, увидел в нем способность к яркой индивидуальности, выдающуюся духовность и интеллектуальность. Не является исключением и герой рассказа «Обида», в котором писатель делает глубокий художественный анализ чувства очень глубокого и сильного, отмахнуться от которого невозможно, которое съедает человека изнутри до тех пор, пока не произойдет отмщение.

Степан – главный герой рассказа – крестьянин, существо жизни которого заключается в земле: он ее любит, для нее живет, чувствует ее боль, знает все ее желания, то воспринимает ее как живое существо: «трескалась выжженная солнцем земляная кора, и трещины, обугленные и глубокие, как на губах умирающего от жажды человека, кровоточили глубинными солеными запахами земли», то обожествляет. М. А. Шолохов часто обращается к приему мифологизации природы. Она в его творчестве не только олицетворяется, но обретает черты мифологического божества: «Степан шел с поклоном к вероломной земле»; «страшно было Степану ... взглянуть на черную, распластанную трупом пахоту»; «Мертвая

земля лежит!». А сам Степан изображается как лишенный божественной оплодотворяющей сущности, которой обладал в прежние времена (теперь он обесцененный бог): весенняя вспаханная земля-богиня готова принять в себя семя, чтобы родить хлеб, но у Степана-бога нет семени, чтобы наполнить им землю, только в своих мечтаниях он видит себя «мечущим из горсти полновесное семя». М. А. Шолохов фактически создает инверсию мифологического сюжета об оплодотворении богини земли [4; 6; 8; 9].

На «тонкий, схватывающий глаз» М. А. Шолохова неоднократно обращали внимание исследователи его творчества. Так, А. Серафимович отмечал «достоверную объёмную выпуклость типов, картин, положений, почерпнутых из собственного наблюдения и опыта, ёмкое наполнение присущего жанру рассказа лаконизма» [5, с. 108-124]. Действительно, в рассказах М. А. Шолохова разворачивается во всю величину живой, движущийся, наполненный чувством и духом времени настоящий мир с настоящими людьми, чьи образы, объёмные и яркие, предстают в многообразии человеческих проявлений: эмоции и переживания героев такие яркие, что не нуждаются в пояснении с точки зрения исторического контекста и социо-духовного бытия времени.

Мастерство М. А. Шолохова проявляется и в речевой характеристике героев: язык казачества с присущим ему колоритом, пестротой, насыщенный уникальной лексикой наполняет и оживляет художественное пространство произведений и вместе с этим отсылает к реальным людям, чьи образы стоят за персонажами рассказов. М. А. Шолохов словно сливается со своими народными героями, талантливо заостряя их тип видения, выводя его в новый по свежей органичности, по-своему универсальный язык восприятия мира и человека [5, с. 108-124]. Читателю становятся близки и проблемы этих простых людей, и образ их мысли.

Голос человека совпадает с голосом природы; она же делит с людьми и невзгоды, и радости, и тяготы, и лишения. По мнению учёного-шолоховеда, Н. Великой, в пейзаже ранних произведений М. А. Шолохова «постоянно вырисовывается облик земли, крестьянской пашни, та обстановка народного бытия, которое во многом определяет и тип поведения, и характер человека, и его сознание» [2, с. 108].

Близость человека и природы передается на протяжении всего рассказа; вместе разделяют они и глубокую обиду, нанесенную Степану грабителями, отнявшими такое ценное для него и его семьи зерно. Боль от этой обиды сравнивается М. А. Шолоховым с болью раненого волка, подстреленного Афонькой, молодым казаком, прошлой зимой: «тот, с картечью, застрявшей в разможенной глазнице, так же страшно кружился у гуменного плетня, стрял в рыхлом снегу, приседая на задние ноги, умирая в немой, безголосой смерти...» [10]. Так же и Степан, «вздохмаченный и страшный», обезображенный скорбью и

страданием, жгучим в груди, «закружился в голубом леденистом свете месяца», под доносящийся от удаляющейся брички с зерном цокот.

В этом единстве с природой и перед ней Степан, как глава семьи, несет ответственность: с болью оглядывает он «обманутую им землю», теперь «распластанную трупом», на которой не будут уже зелениться молодые колосья. Курган, за которым находится пахота, в свою очередь, выступает как символ, связующий поколения, объединенные близостью к земле. Эта близость была незыблемым началом, восполнявшим духовные силы народа. Теперь же семья казака будто осиротела, потеряв свою опору.

Вор, укравший пшеницу, обидел не только Степана, в первую очередь, он обидел землю, надругался над ней, готовый уже принять в себя зерно, поэтому ее обида не может остаться неотмщенной. Страдание земли и свое собственное двойным тяжелым грузом ложится на плечи Степана. Страшный облик приняло чувство обиды, вылившись, наконец, на встреченного случайно грабителя, чье лицо «белым полымем светилось в темноте бессонных ночей, неотступно маячило перед глазами...» [10]. Оба понимали: такую вину ничем не искупить. Единственная адекватная плата – смерть обидчика.

Однако очевидно, что герой не уподобляется грабителю-тавричанину, не думавшему о детях Степана, которых обрек на смерть. Обида не поглотила человеческие чувства раненой души: Степан не оставил зарывшегося от страха в сено мальчика, сына убитого обидчика. Продолжая традиции русской литературы, данный эпизод позволяет сделать вывод, что «одним из критериев человечности является отношение героя произведения к ребёнку» [3, с. 69].

Жизнь «нерушимо спокойной» степи должна продолжаться – с такой мыслью автор оставляет читателя. Человеческая жизнь быстротечна, непостоянна, полна радостей и страданий; природа - вечна: так же еще не раз возрастит степь побеги новой жизни, будет сопровождать человека в его нелегком пути, так же успокоит и умиротворит его последние дни. Именно такой всеобъемлющей жизненной силой обладает земля в представлении народа.

Композиция рассказа обнаруживает связь сцен нанесения обиды и отмщения: на месте лежащего на мерзлой земле с израненными о колкий снег ладонями Степана оказывается его обидчик, смотрящий на него снизу вверх с мольбой о прощении и пощаде. В этом заключена идея жизненного круговорота.

Следует обратить внимание на описание психологического состояния героев. В крике тавричанина, напавшего на бричку с зерном, Степан слышит осатанелость. Здесь можно провести параллель с восприятием земли и ее возделывания как священного обряда, наполненного благоговением и безграничным почитанием народной кормилицы. При таком

рассмотрении еще более страшной представляется потеря семенного хлеба. Жизнь без собственного хлеба может обернуться голодной смертью, поэтому настолько обессиленным в этот момент оказывается Степан, не чувствующий даже физической боли израненных ладоней за болью душевной. Между тем грабитель «скалил щербатый, обыневший рот», превращаясь в воплощение зла. Обессиленного, лежавшего ничком, убитого горем казака, кажется, поднимает на ноги только невыносимая боль обиды и безысходности. Глухой голос Афоньки, кажется, вторит внутреннему голосу Степана: «Обидели!...».

Описание состояния героя путем сравнения его со смертельно раненным волком образует параллель со схожим ощущением скорого наказания за совершенное зло тавричанина, встретившего обиженного им казака. М. А. Шолохов в описании его использует эпитеты «смертная тоска», «мертвенно деревеневший язык», «животный ужас», и теперь уже бывший грабитель оказывается на месте подстреленного зверя в ожидании расплаты. Убитый падает на землю, будто в последний раз извиняясь перед ней за свой поступок. Можно сделать предположение, что хотя и жестокое, но справедливое отмщение останется не наказанным природой так же, как и визг испуганного мальчика не потревожит тихую степь.

Образ волка как архетип воплощает традиционные фольклорные мотивы. Степан предстает сначала в образе жертвы, а в финальном эпизоде достраивается параллель отношений «хищник-жертва»: затравленному и побежденному чужой силой зверю противопоставляется уже сильная позиция преследователя.

Подобные отношения между людьми обнаруживаются и в поединке между «молодым, рослым» тавричанином и немощным казаком, не способным противостоять ему. Для Степана оказывается непостижимым чуждость грабителей общечеловеческим, единым для всех крестьян ценностям, когда он не находит отклика на обращение к ним, как к «родненьким», «братцам». В финальной же сцене казаку с легкостью поддаются вилы, и в уязвимом положении оказывается уже обидчик-тавричанин.

Ключевым в данных эпизодах выступает образ дороги как символа, сопровождающего основные события рассказа. Столкновение идейно-нравственных миров обидчиков и казака происходят именно в хронотопе дороги: поединок с тавричанином, нанесение обиды закутанном в башлык человеком, отмщение. И трехлетний мальчик на дороге как на дороге жизни, видевший смерть отца, унесен теперь в дом его убийцы. Скоро он забудет этот эпизод, вольется в семью и Степана будет уже его называть отцом. Сложный рисунок взаимоотношений между людьми, данный в «Обиде», вообще характерен для творчества М. А. Шолохова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габриелян О. А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (40). – №3. – С. 158–166.
2. Великая Н. Стилевое своеобразие «Донских рассказов» М. Шолохова // Михаил Шолохов. Статьи и исследования. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 87–111.
3. Кутняхова Н. А. Выделение ключевых слов как приём анализа рассказа М. А. Шолохова «Обида» // Мир Шолохова. – 2018. – № 2(10). – С. 67–73.
4. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philologos.narod.ru/myth/litmyth.htm> (дата обращения: 21.02.2023).
5. Семенова С. Г. Поэтика прозы Михаила Шолохова // Мир Шолохова. – 2016. – № 2(6). – С. 108–124.
6. Усанова А. В. История глазами ребенка в прозе М. А. Шолохова (на материале рассказа «Нахалёнок») [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2023. – № 9. – Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/istoriya-glazami-rebenka-v-proze-m-a-sholoxova-na-materiale-rasskaza-naxalyonok> (дата обращения: 21.02.2024).
7. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 195–200.
8. Шаронова Е. А. О некоторых особенностях фольклорно-мифологического мировидения // Русский фольклор Мордовии в контексте отечественной культуры: сборник материалов Всероссийской научной конференции (Пятые Всероссийские научно-педагогические чтения). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – С. 150–157.
9. Шаронова Е. А. Русское устное народное творчество. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – 148 с.
10. Шолохов М. А. Обида [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/proza/rasskaz/obida.htm> (дата обращения: 18.02.2024).

ГОРБУНОВА Л. Г., ФОМИНА А. С.

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка описания концепта «Культура» через представление концептуальных слоев, а также сочетаемость и закреплённость языковых единиц. Работа доказывает тезис о понятийной сущности лексики и помогает лучше понять специфику национально ориентированного сознания, обусловленность намерений говорящего рамками фоновых знаний и характером общения.

Ключевые слова: культура, антикультура, антропоцентрическая парадигма, коллективное сознание, слои концепта, паремии, пословицы.

GORBUNOVA L. G., FOMINA A. S.

THE CONCEPT OF CULTURE

IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Abstract. The article attempts to describe the concept of culture through the representation of conceptual layers, the compatibility and consolidation of linguistic units. The study proves the idea of the conceptual essence of vocabulary and helps to better understand the specifics of a nationally oriented consciousness, the conditionality of the speaker's intentions within the framework of background knowledge and the nature of communication.

Keywords: culture, anti-culture, anthropocentric paradigm, collective consciousness, layers of concept, paroemias, proverbs.

С середины XX в. антропоцентрическая парадигма занимает господствующее положение в исследованиях, в результате чего целью изучения языка становится познание человеком себя через язык. Начинает развиваться такое направление в языкознании, как когнитивная лингвистика. Этот уровень рассматривает язык в его взаимосвязи с человеческим мышлением. Основной категорией мышления является концепт (в этом сходятся все ученые). Вопрос о том, что стоит за этим термином, до сих пор остается спорным, были предложены различные его интерпретации. Так, В. В. Красных описывает концепт как высшую степень абстракции «культурного предмета», у которого отсутствует зримый образ, хотя автор и подчеркивает возможное наличие у концепта визуально-образных ассоциаций [5]. Однако рассматривать концепт в его полной абстрагированности было бы неправильно, так как он имеет разные способы выражения и обладает внутренней структурой. В. И. Карасик определяет концепт как мыслительную совокупность, являющую собой отрывки жизненного опыта, отождествляемые человеком как значимые [4]. Более точно характеризует концепт М. В. Пименова. Она рассматривает его как совокупность знаний, мыслей и представлений человека об объектах

окружающей действительности, обладающих сложной структурой и реализуемых с помощью различных языковых средств [7].

Существует множество способов реализации концепта. В данной статье концепт будет рассматриваться через вербализующие его языковые средства, так как Н. Ф. Алефиренко, считая средствами объективации концепта языковые знаки, а семантику последних – основным источником содержания концепта, доказал, что исследовательский путь от семемы к содержанию концепта верен [1]. Этой же точки придерживается и М. В. Пименова. Она утверждает, что элементы лексического значения содержат в себе наиболее важные признаки концепта, но не всецело. Концепт представляется более широким и многогранным понятием, с более сложной конституцией, нежели содержание конкретного языкового знака [7]. Н. Ф. Алефиренко подчеркивает индивидуальность концепта, связанного с его образной составляющей, однако обращает внимание на тот факт, что концепт становится категорией мышления только тогда, когда образ абстрагируется от реального предмета. В основе концепта лежит его связь с «коллективным сознанием», так как индивидуальные образы связаны с этнокультурными особенностями носителей данного языка [1]. Исходя из этого, мы можем прийти к выводу о том, что концепт является важной составляющей языковой картины мира, которую можно охарактеризовать как отражение мировоззрения народа, закрепленное в содержании языковых знаков.

В настоящей статье мы предпринимаем попытку представить поле концепта «культура» через призму русского языкового сознания.

В качестве источников языковых фактов мы использовали словари паремий, тексты публицистического сборника «Письма о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева, а также современные тексты средств массовой информации – как печатные, так и аудио-визуальные: материалы блога Захара Прилепина, информационных агентств «РИА Новости», «ТАСС», «АиФ-Киров», газеты «Культура», передач Н. С. Михалкова «БесогонТВ», программ «Новости Первого канала».

Обратимся к раскрытию лексического значения слова «культура»: **«КУЛЬТУРА, -ы;** ж. [лат. cultura] **1.** Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. *Материальная к. Духовная к. Достижения культуры. История культуры. К. античного мира. К. Древней Руси. Средневековая к. 2. Археол.* Общность археологических памятников определённой эпохи в развитии первобытного общества. *Трипольская к. 3.* Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п. *Мастера культуры. Работники культуры. Выдающиеся деятели русской культуры. Дворец, дом культуры (крупное учреждение, в котором проводится культурно-просветительская работа).* **4.** Высокий уровень развития

какой-л. сферы человеческой деятельности или условий его жизни. *К. земледелия, хозяйствования, производства. К. человеческих отношений. К. быта. К. труда. Физическая к.* (укрепление здоровья и совершенствование тела человека путём физических упражнений). *К. речи* (владение нормами литературного языка, умение использовать выразительные средства языка). 5. Просвещённость, образованность, начитанность. *Повышать свою культуру. Человек высокой культуры.* 6. Спец. Разведение, выращивание какого-л. растения; культивирование. *К. картофеля. К. риса.* // Обработка, возделывание. *К. почвы.* 7. **обычно мн.:** культуры, -тур. Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. *Зерновые культуры. Субтропические культуры.* 8. Биол. Микроорганизмы (совокупность микроорганизмов), выращенные в лабораторных условиях в какой-л. питательной среде. *К. стрептококка. К. холерного вибриона.* <Культурный (см.)> [2].

По нашим наблюдениям, в речи фигурируют все значения, хотя последние три встречаются только в научных текстах, т. е. являются терминами и не входят в обиходно-бытовую сферу употребления.

Анализ фактического материала выявил более широкое представление о семантическом наполнении концепта «культура», нежели зафиксированное в словарях. Условно можно выделить следующие слои концепта:

1. Общественные показатели (производственные / профессиональные, социальные / этнические, духовные / религиозные, экономические, политические).

2. Индивидуально-личностные показатели.

Отмечены морфологическая и синтаксическая формы представления концепта: часть речи (существительное и прилагательное: *духовная культура, культурный код*) и предложение-высказывание («*Культура – подлинная свобода, милосердие, любовь к человеку, духовность*» Путин В.В.) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Слои концепта «Культура»

Общественные показатели Производственные / профессиональные	
Лексическое значение	Поле концепта
КУЛЬТУРА , -ы, жс. 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-л. народа или класса общества.	Культура – естественный этический регулятор технологического прогресса (Путин В.В.) Техника – продукт культуры (Лихачев Д.С.) Техника – умерщвление культуры (Лихачев Д.С.)

2. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п.	Памятники культуры (Лихачев Д.С.)
Общественные показатели Социальные / этнические	
КУЛЬТУРА, -ы, ж. 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-л. народа или класса общества.	Бытовые навыки народа – культура (Лихачев Д.С.) Самобытность культуры (Путин В.В.)
2. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п.	«Накопления» культуры (Лихачев Д.С.) Взаимосвязь {Культура природы (Лихачев Д.С.) {Культура человека (Лихачев Д.С.)
3. Высокий уровень развития какой-либо сферы человеческой деятельности или условий его жизни	Культурная среда (Лихачев Д.С.) Обращения культуры (Лихачев Д.С.) Виды культуры (Лихачев Д.С.)
4. Наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека.	Сложная культура крестьян (Лихачев Д.С.)
5. Просвещенность, образованность, начитанность.	Культурный опыт (Лихачев Д.С.) Культурный уровень (Захар Прилепин)
Общественные показатели Духовные / религиозные	
КУЛЬТУРА, -ы, ж. 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-л. народа или класса общества.	Духовная культура (Лихачев Д.С.) Истинная культура (Захар Прилепин) Культура – подлинная свобода, милосердие, любовь к человеку, духовность (Путин В.В.) Часть культуры (Лихачев Д.С.) Культурный код – сострадание и любовь (Михалков Н.С.) Культурный подъем (Лихачев Д.С.)
2. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п.	Культура как высокое искусство (Захар Прилепин) Отрасли культуры (Лихачев Д.С.)
Общественные показатели Экономические	
2. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п.	Деловая культура (Путин В.В.) Культурный прорыв (Путин В.В.)

Общественные показатели	
Политические	
КУЛЬТУРА, -ы, ж. 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-л. народа или класса общества.	Культура – то, что хорошо продается (Захар Прилепин) Страны великой культуры (Захар Прилепин) Культурная исключительность (Путин В.В.) Культурная политика (Захар Прилепин) Отмена культуры Уничтожение культуры – самоубийство (Путин В.В.) Русская культура не вторична (Захар Прилепин) Антикультура Культурная экспансия – подавление и обеднение культур (Путин В.В.) Реставрация культуры (Захар Прилепин)
Личностные показатели	
5. Просвещенность, образованность, начитанность.	Культура в основе мышления (Захар Прилепин) Внутренняя культура (Лихачев Д. С.) «Культурные» и «некультурные» люди (Лихачев Д. С.)

Когнитивный слой «Общественные показатели» является основным. Производное прилагательное «культурный» встречается в сочетаниях с «экспансия, прорыв, подъем, опыт, уровень» и др.

Слово «культура» вошло в лексический запас русского языка приблизительно в сер. XVIII века [7]. Однако представления о понятиях, стоящих за этой лексемой, всегда были в сознании народа. Проанализировав пословицы, извлеченные из сборника пословиц русского народа [8], мы пришли к выводу, что в данных примерах содержание концепта мало чем отличается от современного словоупотребления. При этом общественные и индивидуально-личностные показатели предстают объединенно. Пословицы выступают в качестве своеобразного регулятора общественного и личного поведения. Предварительно выделяем следующие группы семантики «культура» в пословицах (см. таблицу 2).

Таблица 2

Семантические группы концепта «Культура»

Семантическая группа	Примеры
Культура поведения	Языком, как хочешь, а рукам воли не давай! В чужом доме не указывают. Поклониться – вперед пригодится. Дракою прав не будешь.

Культура речи	Спорить спорь, а браниться грех. Хорошую речь хорошо и слушать. От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет. Не давай воли языку во пиру, во беседе, а сердцу в гнев.
Просвещенность, образованность, начитанность	Ученье – свет, а неученье – тьма. Кто грамоте горазд, тому не пропасть. Красна птица перьем, а человек ученьем
Нравственные основы	Не гляди на лицо, а гляди на обычай. Без друга – сирота; с другом – семьянин. В ком добра нет, в том правды мало. Вору потакать – что самому воровать. Каково аукнешь, таково и откликнется.

В целях анализа концепта «культура» нами было проведено пилотажное исследование методом опроса. В качестве респондентов выступили 35 студентов и преподавателей филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. В результате опроса были получены следующие результаты.

Респонденты выделяют почти все значения у слова «культура». Достижения людей в производственной, общественной и духовной жизни, а также искусство относят к понятию «культура» по 25 человек (по 70,4%) в каждой группе. Просвещенность, образованность, начитанность относят к понятию «культура» 22 человека (62,9%). То, что хорошо продается, то, что популярно, опрошенные не отнесли к понятию «культура» (0%). Условия быта, соответствующие потребностям просвещенного человека, отнесли к культуре 9 опрошенных (22,7%); то, что развлекает, оценил как принадлежность к культуре всего 1 респондент (2,9%); то, что цепляет (хочется прочесть, посмотреть еще раз), – 8 человек (22,9%). Все варианты ответа выбрали 3 человека (8,6%). Таким образом, более 70 % респондентов под культурой понимают достижения людей в производственной, общественной, духовной жизни и искусство, а также просвещенность, образованность, начитанность. Развлекательный аспект большинство опрошенных – 34 человека (97,1%) к культуре не относят. Никто из опрошенных не связывает культуру с популярностью и итогами продаж.

Связь понятия «культура» с различными сферами жизни общества оценена следующим образом: наиболее тесная связь отмечена с духовной сферой – 23 респондента (23,6%), с социальной – 18 (51,4%), с экономической – 5 (14,3%), с политической – 9 (25,7%). Все варианты ответа как правильные оценили 15 человек (42,9%). Взаимосвязь культуры с политикой отмечают 80% респондентов, 20% так не считают.

Культурным человеком чаще всего называют того, кто обладает следующими качествами: образованностью, умом, вежливостью, воспитанностью, начитанностью,

почитанием законов и установлений своего народа и мировой и отечественной культуры, эрудицией и милосердием.

Понятие «антикультура» многие ассоциировали с нарушением личных границ человека, выраженным в грубом способе общения, деструктивностью. Большинство только противопоставляли культуру антикультуре, немногие указывали на важную черту антикультуры – отрицание ценностей действующей культуры.

Понятие «отмена культуры» опрошенные в большинстве случаев определяли как бойкотирование определенной социальной группы и указывали преимущественно на политические причины этого явления. В качестве конкретных примеров приводилась борьба с памятниками, запрет на свободу слова.

Большинство ответивших (68,6%) посчитали приведенный текст феноменом культуры. Основными аргументами отнесения этого текста к культуре были следующие: любые произведения, созданные человеком, являются искусством, а так как культура в одном из своих значений – искусство, следовательно, это стихотворение относится к феномену культуры. 31,4% смогли распознать в тексте антикультуру, мотивируя свой вывод отсутствием смысловой и этической нагрузки, целенаправленным нарушением языковых норм с целью демонстрации иронии.

Таким образом, опрос подтвердил наполнение когнитивных слоев концепта «культура», доминирование слоя «общественные показатели» (70,4% опрошенных). Однако роль личностных показателей тоже достаточна для включения ее в поле концепта (62,9%). Положительным, на наш взгляд, является свойственное русскому языковому сознанию отсутствие представлений о развлекательном характере культуры, связи ее с популярностью и итогами продаж каких-либо «продуктов культуры». Вместе с тем часть респондентов не имеет сформированных взглядов на антикультуру и отмену культуры, не определилась с окончательным набором качеств, присущих культурному человеку.

Описание концепта «культура» пока не представляется конечным в силу своей ментальной многогранности, а скорее представляет собой начальный этап анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – 2 изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 409 с.
2. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/> (дата обращения 01.04.2024).
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс; Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
5. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Прогресс, 1992. – 237 с.
7. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127–131.
8. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худож. лит. – Т. 1. – 1989. – 430 с.
9. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 704 с.

МОЧАЛОВА Т. И., ЦЗИНЬ Ц.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье анализируются фразеологические единицы с цветовым компонентом, функционирующие в русском и китайском языках. Данные устойчивые сочетания могут служить для характеристики человека, номинации предметов и явлений окружающего мира. Сравнительный анализ фразеологизмов позволяет выявить лингвокультурные особенности в восприятии цвета представителями России и Китая.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, фразеологизм, колористический, семантика, символ, культура, лингвокультурология.

MOCHALOVA T. I., TSIN TS.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOR COMPONENT
IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES**

Abstract. The article provides an analysis of phraseological units with color component in the Russian and Chinese languages. These collocations can be used to characterize a person, nominate objects and phenomena of the world around. A comparative analysis of the phraseological units makes it possible to identify linguistic and cultural features in the perception of color by representatives of Russia and China.

Keywords: Russian language, Chinese language, phraseological unit, color, semantics, symbol, culture, cultural linguistics.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) являются неотъемлемой частью языка и отражают особенности менталитета, опыт познавательной деятельности и национально-культурные традиции народов. ФЕ с компонентом-колоронимом составляют важную часть фразеосистемы любого языка, поскольку цвет – одна из категорий, тесно связанных с представлениями о человеке и окружающем его мире. Как отмечают исследователи, «эта группа ФЕ представляет особый интерес, так как разные колоронимы обладают своими коннотациями и используются в речи для описания эмоций, чувств, состояний человека, а также для номинации различных понятий и предметов» [2, с. 56]. Исследование данных фразеологических единиц позволяет лучше понять, какие цветовые ассоциации проявляются во фразеологической системе разных языков, как они коррелируют с культурными особенностями общества.

Изучение ФЕ с цветообозначением осуществлялось на материале китайского языка [3; 6], проводилось сопоставление устойчивых сочетаний в русском и китайском языках

[1; 5]. Цель данной работы – представить сравнительный анализ ФЕ с компонентом-колоронимом в русском и китайском языках, выявить сходства и различия в восприятии цвета. Исследование проведено на материале «Китайско-русского фразеологического словаря» [4] и «Фразеологического словаря русского литературного языка» [7].

В русской культуре цветообозначения играют важную роль, поскольку они тесно связаны с повседневной жизнью народа, его историей, традициями. Народные приметы и поверья, связанные с цветом, демонстрируют специфику его восприятия. Например, черный цвет ассоциируется с печалью и горем, белый – с радостью и светлыми событиями, а синий – с чистотой и прозрачностью. Символичным является соотношение белого и черного как противопоставление света и тьмы, добра и зла, тепла и холода. Позитивное отношение к номинируемым явлениям выражается во ФЕ с компонентом *белый*, негативное – с компонентом *черный*, ср.: *белая зависть* – ‘о желании обладать чем-либо, имеющимся у другого, не сопровождаемом злобой, досадой’, *белая магия* – ‘по средневековым суеверным представлениям: волшебство, чародейство с помощью небесных сил’, ср.: *черная зависть*, *черная магия*, имеющие противоположное значение.

Для всех славян характерно представление о «царстве тьмы» как о загробном мире, противоположном «белому свету». ФЕ *белый свет* олицетворяет окружающий мир; землю со всем, что на ней существует. В русском языке многочисленны ФЕ, негативно оценивающие ограничение или невозможность его восприятия в силу каких-либо причин: *света белого не видеть* – ‘быть, находиться в подавленном, угнетенном состоянии’, *свету белому не рад* – ‘кто-либо остро ощущает боль, гнев, страх и т.п.’, *белый свет не мил* – ‘ничто не радует, все угнетает, раздражает кого-либо (настолько, что жить не хочется)’, *увидеть белый свет в клеточку* – ‘попасть в тюрьму’. Примыкает к ним ФЕ *среди (среди) белого (бела) дня* – ‘днем, при ясном дневном свете’. ФЕ *черным по белому* базируется на противопоставлении цветов и обозначает ‘совершенно ясно, четко’.

Несмотря на стойкую положительную коннотацию белого цвета, ФЕ русского языка, содержащие данный колороним, могут иметь и негативную окраску. Так, отрицательно оценивается что-либо лживое, навязчивое, некачественное: *шито белыми нитками* – ‘грубо подделано; неловко’, *шит (шитый) белыми нитками* – ‘неискусно, неумело скрыто что-либо’, *сказка про белого бычка* – ‘надоедливое повторение одного и того же’, *называть черное белым* – ‘принимать или выдавать что-либо за противоположное’. На основе сравнения с какими-либо веществами передается внутреннее состояние человека или характеризуются внешние обстоятельства: *дела как сажа бела* – ‘очень плохи, никуда не годятся’, *доводить до белого каления* – ‘выводить кого-либо из терпения, вызывая состояние иступления, потерю самообладания’, *доходить до белого каления* – ‘приходить в

исступление; терять самообладание’. С белым цветом может соотноситься представление о смерти, поражении, болезни: *до белого савана* – ‘до самой смерти’, *поднять белый флаг* – ‘признавать себя побежденным, просить о пощаде’, *белая горячка* – ‘алкогольный психоз’.

Данный цвет используется в процессе характеристики человека, отличающегося от остальных по какому-либо признаку: *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся среди окружающих его людей’, *белая кость* – ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России’. Прямое цветовое значение колоронима проявляется во ФЕ, называющих предметы, явления окружающей среды: *белые мухи* – ‘падающие снежинки’, *до белых мух* – ‘до начала зимы; до первого снегопада’, *белое золото* – ‘хлопок’, *белый камень* – ‘мышьяк’ и др. В некоторых ФЕ совмещается значение цвета предмета с его положительной оценкой: *белый билет* – ‘документ, который выдавался солдатам, уволенным в чистую отставку’, *белый шар* – ‘избирательный шар, означающий: «за избрание»’. Совершенно не исследованная территория, край и т.п. называется *белое пятно*.

В русском языке ФЕ с колоронимом *черный* могут употребляться для номинации человека в зависимости от его происхождения, рода занятий, принадлежности к какому-либо сообществу: *черный народ* – ‘крестьяне’, *черная кость* – ‘человек незнатного происхождения, простолюдин’, *черный клобук* – ‘монах’, *черная сотня* – ‘сословие торговцев и ремесленников’ ФЕ с компонентом *черный* дают, как правило, негативную оценку обозначаемым предметам или явлениям. Они служат для отрицательной характеристики человека (*черная душа* – ‘коварный, способный на низкие, предосудительные дела, поступки, человек’, *чернее тучи, чернее ночи* – ‘кто-либо очень мрачен, угрюм’), его неблагоприятных поступков или мыслей (*зайти с черного хода* – ‘нечестным путем добиваться чего-либо’, *черное дело* – ‘злостный, коварный поступок, преступление’, *черная неблагодарность* – ‘зло, коварство вместо признательности за добро’, *черные мысли* – ‘плохие, недобрые мысли’, *видеть в черном цвете* – ‘представлять хуже, чем есть на самом деле’, *рисовать черными красками* – ‘представлять кого-либо или что-либо в неприглядном свете’), взаимоотношений (*держаться в черном теле* – ‘сурово, очень строго обращаться с кем-либо’, *черная кошка пробежала между ними* – ‘о возникшем взаимном недружелюбии, ссоре’). С черным цветом соотносятся трудные времена в жизни человека: *черный час* – ‘время сильного потрясения, беды, трагедии’, *черный день* – ‘очень трудное время в жизни’, *ходить в черном* – ‘носить траур’.

Негативно оцениваться могут некоторые предметы и явления: *черная работа* – ‘неквалифицированная работа’, *черный список* – ‘список лиц, которые по каким-либо причинам признаны нежелательными для общения’, *черная доска* – ‘доска позора’, *черная*

смерть – ‘болезнь чума’, *черная метка* – ‘символ угрозы, предупреждения о грядущих неприятностях’, *черный шар* – ‘избирательный шар, означающий: «против избрания»’. ФЕ *черное золото* со значением ‘нефть’ не содержит негативной коннотации и служит для обозначения вещества.

Красный цвет в русской культуре один из основных элементов цветовой символики. Красный – цвет жизни, солнца, плодородия, здоровья, он наделяется защитными свойствами и используется как оберег. Значение красного цвета как неординарного обусловлено оценочной семантикой: красный – красивый, ценный, исключительный: *проходить красной нитью* – ‘представлять собой главное, основное, ведущее в чем-либо’, *красные дни* – ‘время удач, хорошей жизни’, *красная цена* – ‘самая высокая цена, которую можно дать за что-либо’, *красное слово (словоцо)* – ‘остроумная речь; меткое изречение, выражение’. ФЕ с этим колоронимом служат для номинации человека, предметов, явлений, напрямую или ассоциативно связанных с красным цветом: *красный билет* – ‘десятирублевый кредитный билет’, *красный угол* – ‘почетное место в доме, где находились иконы’, *красный петух* – ‘пожар, поджог’, *красная книга* – ‘реестр редких видов животных и растений всего мира, находящихся на грани исчезновения (вымирания или истребления)’, *красная строка* – ‘строка в тексте, начинающаяся с отступа; абзац’. Для данной группы фразеологизмов характерно употребление красного цвета в значении «яркий, выдающийся» или «привлекательный», «особый». Негативное значение фразеологизмов с данным колоронимом связано с физиологическими реакциями организма (*краснеть от стыда*), дополнительным значением «раздражающий» (*как красная тряпка для быка*).

Зеленый цвет в народной культуре соотносится с растительностью (*зеленое золото, зеленая аптека*), защитой природы (*зеленая партия*), изменчивостью, незрелостью, молодостью (*молодо-зелено, зеленая голова*). Указание на цвет предмета содержит ФЕ *зеленый стол* – ‘стол для игры, обтянутый зеленым сукном’. Колороним *зеленый* связан с образом светофора, его разрешающим движением сигналом (*зеленая улица* – ‘содействие осуществлению чего-либо’, *дать зеленый свет чему-либо* – ‘разрешить что-либо’). Негативное значение ФЕ варьируется от обозначения эмоций человека (*позеленеть от злости/зависти, тоска зеленая*) до алкогольной зависимости (*зеленый змий*).

Желтый цвет, желтизна – признак, наделяемый в русской народной культуре преимущественно негативной оценкой: *желтая пресса* – ‘о низкопробной, лживой, падкой на дешевые сенсации печати’, *желторотый птенец* – ‘молодой, наивный и неопытный человек’. Самую многочисленную группу составляют выражения, характеризующие специфические реалии по какому-либо элементу желтого цвета и имеющие комплетивную негативную коннотацию: *желтая карточка* – ‘знак предупреждения’, *желтый билет* –

‘заменительный документ желтого цвета’, *желтый дом* – ‘неофициальное название психиатрических лечебниц в России’, *желтая лихорадка* – ‘острое вирусное заболевание, передающееся комарами’, *желтые жилеты* – ‘спонтанное протестное движение’.

ФЕ компонентом-колоронимом *синий* могут служить для номинации человека (*синий чулок* – ‘женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами’, *синяя борода* – ‘ревнивый муж, жестоко обращающийся с женой’, *синие мундиры* – ‘жандармы в дореволюционной России, носившие форму синего цвета’, *как синь порох в глазу* – ‘один-единственный дорогой человек’), а также способны обозначать какие-либо предметы, связанные с этим цветом (*синяя бумажка* – ‘пятирублевый кредитный билет’, *синий экран* – ‘телевизионный экран’). ФЕ *синяя птица* является символом удачи, воплощает идеал счастья. С оценкой сложившейся ситуации связаны ФЕ *до синь пороха* – ‘до мелочей’, *на синий порох* – ‘совсем ничего (не осталось)’, *гори все синим пламенем/огнем* – ‘пусть гибнет, пропадает кто-либо или что-либо’.

ФЕ с компонентом-колоронимом *голубой* немногочисленны. Большая часть их нейтральна и ориентирована на конкретные реалии: колороним в нейтральных выражениях связан с внешними признаками предмета (*голубой экран, голубое топливо, голубое золото, голубые береты, голубой сыр*) и не подразумевает оценочности. В оценочных ФЕ колороним близок по значению к эпитетам «благородный», «возвышенный», «идеалистический»: *голубая кровь, голубая мечта*. Негативное значение реализуется во ФЕ *говорить на голубом глазу* – ‘притворно-наивно, скрывая подвох, неискренность’.

ФЕ с компонентом *серый* в процессе номинации человека, предметов и явлений сохраняют закрепленное за колоронимом стойкое негативное значение ‘неинтересный’, ‘блеклый’, ‘скрытный’, ‘подозрительный’: *серая масса* – ‘люди, не имеющие никаких отличительных черт’, *серая мышка* – ‘о тихом, незаметном человеке’, *серые будни* – ‘обычные, будние дни’, *серый кардинал* – ‘о том, кто обладает большой властью, но не занимает высокого положения и остается в тени’, *серый бизнес* – ‘скрытый, теневой бизнес’, *серая мораль* – ‘отсутствие четкого разграничения противоборствующих сторон’. Цветовое значение сохраняется у ФЕ *серый волк* – ‘хищное млекопитающее’, *серое вещество* – ‘головной мозг’.

Фразеологизмы китайского языка отличаются высокой степенью метафоричности, опираются на реалии, характерные для национальной культуры. Основными в китайской культуре принято считать цвета, соответствующие пяти элементам мироздания: 红 – красный, 黄 – желтый, 青 – синий, 白 – белый, 黑 – черный. В то же время существует ряд сложностей, связанных с полисемией иероглифов, например, лексема 青 (*синий*) может употребляться

также в значении *зеленый* и *голубой*, что усложняет интерпретацию отдельных выражений, поэтому для понимания значения необходимо опираться на контекст.

В интерпретации белого цвета китайская культура существенно отличается от западной. Если черный считается царем всех цветов, поскольку вмещает в себя всевозможные цвета, то белый – это отсутствие цвета и, как следствие, отказ от самой жизни. Именно поэтому в китайской культуре белый является цветом траура, смерти и погребения, отказа от жизни. В целом колороним *белый* в китайском языке связан с номинацией неожиданных ситуаций: 白虹贯日 – «белая радуга заслоняет солнце», 白鱼入舟 – «белая рыба плывет к лодке» – неожиданное приятное событие, удача; 白日升天 – «вознесение к белому солнцу», 穷二白 – «из бедного в белый» – разбогатеть/добиться благосостояния. Кроме того, ФЕ с компонентом *белый* служат для обозначения долгой совместной жизни (白头到老 – и «жить вместе до белых волос» – состариться вместе), погруженности в свои мысли (白日做梦 – «видеть сны среди белого дня» – замечаться/зазеваться).

Как и в русском языке, колороним *черный* в китайском языковом сознании, как правило, имеет негативное значение, поэтому ФЕ с этим компонентом номинируют злого, бесчестного, лживого человека (黑心肠 – «черная душа» – злой, бесчестный человек, 颠倒黑白 – «менять черное и белое местами» – перевирать факты, манипулировать), незаконные сообщества (黑社会 – «черное общество» – преступный мир). ФЕ :起早贪黑 – «рано вставать и бодрствовать до черноты» служит для обозначения труда без отдыха. Ярким отличием от русской культуры выступает образ черного кота или кошки, который в китайской традиции может быть истолкован как символ удачи: 黑猫 – «черная кошка» – неожиданная удача.

Красный цвет – один из ключевых для китайской культуры – символизирует достояние, богатство и благополучие как в личной, так и в семейной жизни, поэтому превалируют ФЕ с положительным значением. Они характеризуют красивого, уважаемого человека (红人 – «красный человек» – важное/уважаемое/респектабельное лицо, 满面红光 – «лицо в красном цвете» – красивое лицо), связаны с представлениями о счастье, удаче, состоянии покоя (看破红尘 – «красный – красный огонь» – пожелание удачи и процветания, 走红运 – «стремиться к красной судьбе» – стремиться к лучшему будущему, 红极一时 – «красный край» – счастливое время, 看破红尘 – «видеть сквозь красную пыль» – о состоянии покоя, умиротворения). С красным цветом ассоциативно соотносится такое событие, как свадьба (红喜事 – «красное событие» – свадьба), изменчивость жизни (红白相问 – «чередa красного и белого» – счастье и беда сменяют друг друга). Сохранились в китайском языке ФЕ, связанные с коммунистической символикой: 红帽子 – «красная шапка» – коммунист, 红

五月 – «красный май» – День труда в мае, 红歌 – «красные песни» – революционные песни. Цветообозначение **красный** встречается в составе ФЕ, которые негативно оценивают чувство стыда (面红耳赤 – «до красных ушей» – покраснеть от стыда) и измену (红杏出墙 – «красное гинкго растет сквозь ограду» – о появлении любовника у жены).

ФЕ с компонентом **голубой** характеризуют образ жизни человека (黄卷青燈 – «желтый канон и голубая лампада» – вести аскетичный образ жизни), профессиональные качества (炉火纯青 – «каление голубого огня в печи» – о высшем уровне мастерства в чем-либо, 妙手丹青 – «великолепная рука в киновари и лазури» – о мастерстве великого художника). Колороним **синий** в китайском языке связан с образом о высоты и небесной стихии, поэтому большая часть ФЕ тяготеет к позитивному значению («добившийся успеха», «вознесшийся», «чистый»): 平步青云 – «быстро подниматься к синим облакам» – добиться карьерных высот, 青出于蓝 – «синий получается из индиго, но превосходит его» – ученик превзошел своего учителя, 湛湛青天 – «прозрачный и чистый, как синее небо» – честный. Негативное значение связано с представлениями о демонах, которые в легендах и мифах иногда имеют синюю или черную кожу (青面獠牙 – «синее лицо, выступающие клыки» – демон/страшный человек/чудовище), а также выражением грусти, тоски, скорби (司马青衫 – «синий халат воина» – о горестном и скорбном событии).

Колороним **зеленый** в китайской культуре связан с представлениями о цвете природы, возрождении, поэтому ФЕ наполнены соответствующими образами: дерево с зеленой кроной. Этот цвет ассоциируется с детьми и юностью: 万古长青 – «вечнозеленое дерево» – о моложавом человеке, 绿叶成阴 – «с пышной зеленой кроной» – о многодетной матери). Образ дерева с зелеными листьями ассоциативно соотносится с отношениями влюбленных, знакомых с детства (青梅竹马 – «зеленые деревья и лошади из бамбука»), выполненным делом и полученном результате (绿叶成荫 – «находиться под тенью зеленых листьев»).

ФЕ демонстрируют связь колоронима с существующими в Китае социальными конвенциями: зеленый – цвет крестьянского сословия (青裙缟袂 – «зеленая юбка» – крестьянка), традиционная форма почтальонов зеленого цвета (绿衣使者 – «человек в зеленой одежде» – почтальон). Зафиксирована также ФЕ 绿林好汉 – «лесной зеленый герой» – со значением изгой/бунтарь/Робин Гуд. В негативном значении этот цвет связан с мотивом измены (戴绿帽子 («носить зеленую шляпу» – про мужчину, которому изменила жена).

Серый цвет практически не представлен во фразеологии китайского языка, зафиксировано лишь устойчивое выражение 白衣苍狗 – «то белые тучи, то серые собаки» – о

стремительных переменах, чаще неприятных. Это связано с тем, что для выражения значений (незаконный, странный, неясный, хмурый), закрепленных за серым цветом в русском языке, китайцы традиционно используют черный цвет.

Колороним *желтый* преимущественно используется во ФЕ с негативным значением, характеризует молодого и неопытного человека (黃口孺子 – «желторотый юнец»), символизирует непостоянство, обманчивость, иллюзорность (黃梁美梦 – «сон желтой каши» – несбыточные чаяния/мечты), связан с образами отдаленности, потери, утраты (杳如黄鹤 – «исчезнуть, как желтый журавль» – пропасть без следа). ФЕ 黃泉之下 – «под желтым родником» со значением 'на том свете' служит для номинации мира мертвых. Желтый цвет является символом власти, в первую очередь императорской: 黃袍加身 – «облечься в желтый халат» – стать императором. ФЕ 直搗黃龍 – «ударить по Желтому дракону» обозначает 'разбить врага/ударить врагу в самое больное место'.

Как видим, ФЕ с колористическим компонентом в своем составе чаще всего используются для обозначения абстрактных понятий, обозначения черт характера, чувств и состояний человека и особенностей отношений между людьми. Восприятие цветов в русской и китайской культурах отличается не только в лингвистическом, но и в культурном плане.

В китайском языке самой многочисленной является группа абстрактных понятий: за каждым из колоронимов, за исключением зеленого, закреплена определенная ассоциация: белый – неожиданная удача, красный – изобилие, черный – беда, синий – скорбь и т.д. Второй по численности является группа ФЕ, в которой колоронимы выступают в качестве маркера социального статуса, положения или рода деятельности лица. Не представлена в китайском языке группа фразеологизмов, связанных с характеристикой природных явлений, хотя в китайском языке вопрос о роли природы в жизни человека необычайно важен, напрямую связан с мифами, религиозными традициями и обычаями. Формально природные образы входят в состав многих ФЕ, но при целостном анализе значения устойчивого выражения обнаруживается, что они используются в переносном значении и образы природы служат метафорами, отсылающими к предметному миру, абстракциям или состоянию человека. Самыми распространенными по охвату возможных значений в китайском языке являются колоронимы синий и красный; малочисленными – серый и голубой.

Самой гомогенной для обоих языков можно назвать группу с колоронимом «черный», для которой характерно преобладание единиц с негативным значением. В сознании носителей русского и китайского языков черный цвет одинаково связан с мрачными образами, соответствует эпитетам «грязный», «незаконный», «злой», «угрожающий». В отличие от русского языка, для китайского нехарактерно использование оттенков цветов –

например, голубого и серого. Отмечается синкретичность иероглифа 青 в китайском языке, обозначающего в зависимости от контекста как зеленый и синий, так и голубой, лазоревый и бирюзовый цвета.

В русской культуре некоторые цвета имеют устоявшиеся ассоциации и символическое значение, мотивированное общими представлениями о цветовой символике, например: белый – свет, чистота, радость. В целом результаты анализа ФЕ позволяют сделать вывод о сложной природе отношения человека к цветам и их оттенкам, поскольку одни и те же колоронимы могут употребляться для представления как негативной, так и положительной характеристики обозначаемых объектов. В русском языке ФЕ с колористическим компонентом часто используются для характеристики внешности человека, его физического или эмоционального состояния, номинации различных предметов. Реже они служат для уточнения характера взаимоотношений между людьми и обозначения явлений природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакина В. В. Сравнение символики цвета во фразеологизмах с компонентом цветообозначения в китайском и русском языках // Языки. Культуры. Перевод: материалы III Междунар. науч.-практ. форума. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 319–326.
2. Барина Д. В., Нестерова А. В., Гришина Н. С., Зубарева Е. Н., Гринева М. С. Фразеологические единицы с компонентом-колоронимом в англоязычных песенных текстах // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 76(3). – С. 55-58.
3. Богушевская В. А. Понятие и способы выражения красного в китайском языке // Известия восточного института ДВГУ. – 2005. – № 9. – С. 195–210.
4. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
5. Завьялова Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 2. – С. 99–106.
6. Захарчук О. Е., Николенко О. В. Цветовая фразеология китайского языка // Теоретические и методологические проблемы современных наук: материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2016. – С. 76–81.
7. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.04.2024).

БУДАРИНА А. А.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «УКРАШЕНИЯ»)**

Аннотация. В статье анализируются исторические изменения в лексико-семантической группе «Украшения». Приводятся данные толковых и этимологических словарей русского языка, что позволяет проследить динамические процессы в выбранной лексико-семантической группе от древнерусского периода до современности. Предлагается классификация лексем лексико-семантической группы «Украшения» с исторической точки зрения. Рассматриваются результаты социологического опроса носителей языка, что позволяет выявить лексемы пассивного и активного запаса языка.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, исторические изменения, историческая классификация, исконная лексика, заимствование, анкетирование, активный лексический запас языка, пассивный лексический запас языка.

BUDARINA A. A.

**HISTORICAL CHANGES IN THE VOCABULARY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE: A STUDY OF
THE LEXICO-SEMANTIC GROUP "JEWELRY"**

Abstract. The article provides an analysis of the lexemes included into group "Jewelry" of the Russian language of different time periods. The data of the Russian dictionaries is studied to observe how the content of lexico-semantic group "Jewelry" has been changing since Old Russian times till the present time. A historical classification of the lexico-semantic group is suggested. The results of a survey of native speakers of the modern Russian language are analyzed. As a result, the lexemes of passive and active vocabulary of the language are revealed.

Keywords: lexico-semantic group, lexeme, historical changes, historical classification, native vocabulary, borrowing, survey, active vocabulary, passive vocabulary.

Вопросам исторических изменений в языке посвящено множество работ (Г. Пауль, Г. Остхоф, К. Бругман). Также изучались лексико-семантические группы (Т.В. Матвеева, В.Г. Гак, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова). В трудах Э.В. Кузнецовой ЛСГ определяется как «ряд лексических единиц одной части речи, объединенной одной архисемой» [6]. Вызывает интерес ученых и изучение лексем со значением 'украшения', однако данная ЛСГ до сих пор не изучалась комплексно в историческом аспекте. В исследовании Драпей Н.В. рассматривается лексико-семантическое поле «ювелирные украшения» на материале французского языка [3]. Исследователь описывает ЛСГ, входящие в состав лексико-

семантического поля украшений, рассматривает наиболее продуктивные способы пополнения ЛСП «ювелирные украшения». Актуальность нашего исследования обусловлена отсутствием целостного описания ЛСГ «Украшения» в лингвистических исследованиях, необходимостью комплексного рассмотрения на разных этапах исторического развития языка, а также востребованностью лексем данной группы, частотностью их употребления в современном русском языке.

Целью нашей работы является рассмотрение эволюции ЛСГ «Украшения».

Материалом для исследования послужили данные ряда словарей. Всего методом сплошной выборки из «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словаря русского языка: в 4 т.» под ред. А.П. Евгеньевой нами выделено 47 лексем, составивших ЛСГ «Украшения» в русском языке.

Определено, что состав ЛСГ «Украшения» претерпевал значительные изменения на протяжении веков, в связи с чем лексем, входящие в ее состав, можно классифицировать с исторической точки зрения.

1. В первую группу входят лексем, функционировавшие с древних времен (до XIV в.), но не дошедшие до наших дней. Это самая многочисленная категория (28% всей ЛСГ «Украшения»): алам 'нагрудье, пристегиваемое к платью', бармы 'широкое оплечье или широкий воротник с нашитыми на него изображениями религиозного характера', височное кольцо 'украшение из металла на голову', венец 'головной убор в виде обруча, сделанного из бересты или из кожи', гайтан 'шнурок, тесемка', гривны 'обруч на шею', колты 'полые металлические подвески', лунница 'подвеска, имеющая форму полумесяца', обруч 'большое кольцо, запястье', пясы 'короткие жемчужные серьги', рясны 'подвески из жемчуга', усерязь 'серьга, ушное украшение' и фибула 'застежка для одежды'.

2. Вторая группа - лексем, известные с древности и оставшиеся в современном языке. Эти лексем составили 20% от всей ЛСГ «Украшения» в русском языке: запонка, кольцо, монисто, ожерелье, перстень, подвеска, серьги, тиара и цепь.

3. Лексем, появившиеся после XIV в., можно разделить на подгруппы: с XV в. до XVIII включительно, в XIX в., в XX в. и в XXI в. Лексем, появляющиеся в языке с XV в. до современности, составляют 52,5% от всех лексем, вошедших в ЛСГ «Украшения», а лексем, известные с древних времен (как дошедшие до XXI в., так и не дошедшие) – 47,5%.

В период с XV в. до XVIII в. включительно появилось 20% лексем всей ЛСГ «Украшения»: бархотка, браслет, брошь, бутоньерка, камея, медальон, фермуар, шпилька и эгретка. В XIX в. в языке появилось 13% лексем (амулет, бусы, грибатка, диадема, колье и перлы). 17% от общего числа приходится на долю лексем, вошедших в ЛСГ «Украшения» в XX в. Это лексем анклет, горжетка, кафф, клипса, кулон, пирсинг, сотуар и чокер. Два

десятилетия только начавшегося XXI в. дополнили ЛСГ «Украшения» одной новой лексемой (пусеты), что составило 2% от общего числа лексем, входящих в данную ЛСГ.

Если представить сделанные нами выводы в виде таблицы, то получится следующая историческая классификация лексико-семантической группы «Украшения» (см. табл. 1).

Таблица 1

Историческая классификация ЛСГ «Украшения», в %

	Лексемы, известные с древних времен, но не дошедшие до наших дней	Лексемы, известные с древних времен, и оставшиеся в современном языке	Лексемы, появившиеся с XV в.			
			С XV по XVIII в.	XIX в.	XX в.	XXI в.
Количество лексем	13	9	9	6	8	1
Процент лексем	28%	20%	20%	13%	17%	2%

Материал позволяет сделать вывод, что около половины лексем (47,5%), входящих в ЛСГ «Украшения», в русском языке существует еще с древних времен. Из 13 лексем, вошедших в первую группу нашей классификации, 12 – историзмы и 1 лексема – архаизм (обруч). Лексема обруч (древнерусское обручь, церковнославянское обрѣчь «кольцо») буквально означает 'то, что охватывает руку'. В современном языке эта лексема имеет два значения: 'тренажер для спортивных занятий' и 'металлическая пластина, скрепляющая доски для бочек'. В значении 'украшение' лексема больше не используется. Если раньше лексема имела мотивированное значение, то теперь эта связь утрачена, т.к. в основу номинации новых понятий, для которых теперь употребляется лексема, было положено внешнее сходство с обручем в старом значении.

Интерес представляет и история лексем, давно вышедших из ЛСГ «Украшения». Так, лексема наручи (то, что надевается на руку), близкая по своему историческому значению к обручу (то, что охватывает руку), со временем развила новое значение 'часть доспехов, закрывающих руку' [11], т.е. лексема, сохранив внутреннюю форму, перешла в другую ЛСГ.

Из 9 лексем, вошедших во вторую группу, у двух наблюдается сужение значения. Так, лексема ожерелье в современном мире обозначает 'украшение из драгоценных металлов со вставками из камней', а вот наши предки понимали под ожерельем любое шейное украшение, т.е. все, что носили вокруг горла. Лексема перстень в более древние времена употреблялась для обозначения любого кольца, то есть того, что надето на палец (перст), то в наши дни под перстнем понимается только кольцо со вставками [1].

В современном языке наперсток и перчатки образованы от того же слова, что и перстень (перст). Но, если перстень надевается на палец, то наперсток палец защищает, а перчатки пальцы греют. Таким образом, все эти лексемы сохраняют внутреннюю форму, но входят в разные лексико-семантические группы [12].

В ЛСГ «Украшения» входят как исконная, так и заимствованная лексика, причем слов, существовавших в языке с древних времен, почти столько же (48%), сколько и заимствованных после XV в. (52%). Среди всех заимствованных лексем 8% приходится на долю тех, что появились в нашем языке в XV-XVI вв., 29% – в XVIII в., 25% – в XIX в., 33% – в XX в. и только 4% – в XXI в. Все заимствованные лексемы, составляющие ЛСГ «Украшения», пришли из французского (72%) и английского (28%) языков.

В ЛСГ «Украшения» сосуществуют лексемы активного и пассивного запаса русского языка. С целью выявления лексем, входящих в активный и пассивный запас языка, был проведен социологический опрос. В качестве респондентов были привлечены 200 человек разного пола, возраста и уровня образования. Так, нами были опрошены 134 женщины и 66 мужчин, среди которых 85 человек до 30 лет, 75 – от 30 до 60 лет и 40 – старше 60 лет. Среди опрошенных насчитывается 17 человек с образованием только школьным, 94 – со средним специальным и 89 – с высшим образованием. Перед участниками стояла задача отметить те названия украшений, значение которых им известно.

Данные опроса позволяют определить лексемы, которые однозначно входят в активный запас языка: амулет, бархотка, браслет, брошь, бусы, бутоньерка, венец, горжетка, гривны, диадема, запонка, камей, клипса, колье, кольцо, кулон, медальон, монисто, обруч, ожерелье, перлы, перстень, пирсинг, подвеска, пусеты, серьги, тиара, цепочка, чокер, шпилька.

Также можно выделить ряд лексем, которые входят в пассивный запас: алам, анклет, бармы, височное кольцо, гайтан, грибатка, кафф, колт, лунница, наборушник, пьасы, рясны, сотуар, усерязь, фермуар, фибула, эгретка

Таким образом, 64% всех лексем, вошедших в данную ЛСГ, остаются в активном запасе языка, а 36% составляют пассивный запас.

Все лексемы ЛСГ «Украшения», вошедшие в пассивный запас языка, можно разделить на четыре группы.

Во-первых, это историзмы, зафиксированные в современных словарях (5% лексем, входящих в пассивный запас) – это одна лексема ЛСГ «Украшения» - бармы. Примечательно, что в современном толковом словаре нет помет, что лексема устаревшая, однако результаты опроса позволяют сделать вывод, что лексема все же относится к пассивному запасу языка. Согласно данным опроса, только 8,5% известна данная лексема.

Во-вторых, историзмы, которые современные словари не фиксируют (56% лексем, входящих в пассивный запас). Это самая многочисленная группа, сюда можно отнести десять лексем: алам, височное кольцо, грибатка, колт, лунница, наборушник, пясы, рясны, усерязь и фибула.

В-третьих, это архаизмы (28% лексем, входящих в пассивный запас). К ним можно отнести пять лексем: гайтан 'шнурок, тесемка', перлы 'ожерелье из жемчуга, бус', сотуар 'удлиненное ожерелье с бусинами', фермуар 'застежка, ожерелье с застежкой' и эгретка 'украшение для шляп или причесок'. В эту группу вошли лексемы, которые обозначают существующие в современном мире реалии. МАС дает помету «обл.» к лексеме гайтан, а опрос показывает, что она известна только 14%. К лексемам перлы, фермуар и эгретка в том же словаре даны пометы «устар.». Любопытно, что лексема перлы, согласно нашему опросу, известна 27,5% опрошенных, т.е. почти каждому третьему опрошенному. Лексеме эгретка же знают только 5% среди всех опрошенных нами, фермуар – лишь 7%. Лексема сотуар, не зафиксированная в современных словарях, известна лишь 2,5% опрошенных.

В-четвертых, это неологизмы (11% лексем, входящих в пассивный запас). К неологизмам можно отнести две лексемы: анклет 'ножной браслет' и кафф 'украшение для ушей, носить которое можно без прокола'. Обе они отсутствуют в современных словарях. Интересно, что есть лексемы, известные немалому количеству людей, но не зафиксированные еще в современных словарях, – это пирсинг 'серьга, для которой требуется прокол тела', пусеты 'серьги-гвоздики' и чокер 'плотно облегающее шею ожерелье'. Результаты опроса показывают, что лексеме пирсинг знает 91% всех опрошенных, что позволяет смело отнести ее к активному запасу языка. Лексемы пусеты (27%) и чокер (35%) известны трети опрошенных, хотя они и не присутствуют в современных словарях.

Сделанные нами выводы о группах лексем, вошедших в пассивный запас, можно представить в виде диаграммы (см. рис. 1.).

Рис. 1. Лексемы ЛСГ «Украшения», вошедшие в пассивный запас языка.

Результаты опроса позволяют сделать вывод: пол, возраст и уровень образования оказывает влияние на знание людьми лексем, входящих в ЛСГ «Украшения»:

- 95% лексем знает больше женщин, чем мужчин.
- 67% лексем знает больше людей старше 60 лет.
- 54% лексем знает больше людей, имеющих высшее образование, чем опрошенных с образованием 9-11 классов или средним специальным.

Материал позволяет сделать вывод, что состав ЛСГ «Украшения» менялся с древнерусского периода, динамические процессы в группе происходят и в наше время: часть лексем становится историзмами или архаизмами и пополняет пассивный запас языка, другие, напротив, пополняют ЛСГ; одни лексемы меняют семантику и со временем переходят в другие лексико-семантические группы, другие, оставаясь в составе той же ЛСГ, могут сохранять, сужать или расширять значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. – СПб.: Издательство «Литера», 1997. – 416 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. – М.: АСТ и др.: 1998. – Режим доступа: <https://gufo.me/> (дата обращения: 22.01.2022).

3. Драпей Н. В. Лексико-семантическое поле «ювелирные украшения»: на материале французского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.05. – М., 2006. – 259 с.
4. Корсунь В. Н. Ювелирное искусство Древней Руси. Традиции мастерства: учебное пособие. – М.: ФОРУМ, 2013. – 256 с.
5. Кудрин И. В. Системные отношения в лексико-семантической группе «Музыкальные инструменты» (на материале современного русского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3. – С. 72–76.
6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. школа, 1982. – 152 с.
7. Никифорова Е. Б. Активный и пассивный словарный запас русского языка первых десятилетий XXI века: динамические процессы // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». – 2021 – № 4 (157). – С. 104–111.
8. Никифорова Е. Б., Мордвинкина Е. А. Эволюция семантики лексем лексико-семантической группы "сладости" в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6 (129). – С. 94-99.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1958.
11. Супрун В. И. О лексико-семантических группах слов // Ruštínár. – 1983. – № 3. – С. 4–6.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза – Сят: ок. 5500 слов; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 830 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 5 изд., стереотип. Т. 2: Панцирь – Ящур / Черных П.Я. – М.: Рус. яз., 2002. – 560 с.